

12+

КЕРСТИН ГИР

ТАЙМЛЕС

САПФИРОВАЯ КНИГА

РОБИНС

Таймлесс

Керстин Гир
Сапфировая книга

«Робинс»

2010

Гир К.

Сапфировая книга / К. Гир — «Робинс», 2010 — (Таймлесс)

Путешествия во времени продолжаются! Юная Гвендолин Шеферд всё больше погружается в водоворот головокружительных событий и тайн, которые стали преследовать её с тех пор, как она унаследовала ген путешественника во времени. Теперь Гвендолин предстоит разобраться, кто стоит за покушениями на её жизнь, кому из друзей можно доверять, и как опасно раскрывать свои мысли и чувства перед человеком, которого знаешь всего пару дней... Вторая книга трилогии «Таймлесс» – бестселлер немецкой писательницы Керстин Гир – для читателей всех возрастов!

© Гир К., 2010

© Робинс, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	20
Глава третья	34
Глава четвёртая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Керстин Гир

Сапфировая книга

Пролог

Лондон, 14 мая 1602 г.

На улочках Саутварка было очень темно и пустынно. В воздухе висел удушливый запах нечистот, рыбной требухи и отбросов. Неожиданно для самого себя он ещё крепче сжал её руку, и они пошли дальше.

– Лучше бы мы шли вдоль реки, а то в этих улочках чёрт ногу сломит, – прошептал он.

– Да, а за каждым углом нас может поджидать разбойник или убийца, – её голос звучал почти весело. – Вот класс, правда? Это в тысячу раз лучше, чем просиживать штаны в вонючем подземелье и делать домашнее задание! – она подняла свои тяжёлые юбки и поспешила дальше.

Сам того не желая, он улыбнулся. Люси могла найти положительный момент в любой ситуации. Даже так называемый Золотой век Англии, который в книгах выглядел таким замечательным, а на самом деле оказался довольно тёмным и мрачным временем, не мог её запугать, скорее, наоборот.

– Жаль только, что мы никогда не сможем пробыть в прошлом дольше трёх часов, – сказала она, когда он нагнал её быстрым шагом. – «Гамлет» понравился бы мне ещё больше, если бы нам удалось посмотреть весь спектакль за один раз, – она вовремя обогнула зловонную дождевую лужу, по крайней мере, он очень надеялся, что эта лужа действительно дождевая. Затем сделала пару изящных па и покружилась.

– *«Так всех нас совесть обращает в трусов¹»*... Согласись, это было просто волшебю!

Он кивнул, едва сдержавшись, чтобы снова не улыбнуться. С Люси Пол стал улыбаться намного чаще. Если он не возьмёт себя в руки, прохожие вполне могут посчитать его сумасшедшим!

Они направлялись к Лондонскому мосту. Мост в Саутварке был гораздо ближе, но его в этом веке ещё, к сожалению, не построили. Если они не хотели, чтобы их самовольная вылазка в семнадцатый век была раскрыта, сейчас следовало торопиться изю всех сию.

Как Пол мечтал наконец-то избавиться от этого жёсткого белого воротничка! Он чувствовал себя как собака после операции, которую заставляют носить на шее смешной пластиковый раструб.

Люси завернула за угол и направила к реке. Казалось, в мыслях она всё ещё досматривала спектакль.

– А сколько ты вообще заплатил тому человеку, чтобы он пропустил нас в «Глобус», Пол?

– Четыре тяжёлых монеты, понятия не имею, какова их стоимость, – он рассмеялся. – Наверное, он столько за год не заработает.

– Главное, что нам это помогло. Места у нас были просто высший класс.

Они подбегали к Лондонскому мосту. Как и на пути сюда, Люси хотелось остановиться и как следует рассмотреть дома, расположенные на нём². Но Пол потянул её дальше.

– Ты же слышала, что сказал мистер Джордж: если слишком долго стоять под окном, на тебя могут вылить ведро с помоями, – напомнил он ей. – Кроме того, ты привлекаешь к себе излишнее внимание!

¹ У. Шекспир. «Гамлет». Пер. А. Кронеберга (здесь и далее прим. ред.).

² Старый Лондонский мост был застроен домами и заселён.

– Даже не заметно, что мы стоим на мосту, так он похож на обычную лондонскую улицу. О, гляди, настоящая *пробка*! Может, после этого они догадаются построить ещё парочку мостов?³

Здесь, в отличие от параллельных Темзе улочек, заметно было хоть какое-то движение, но повозки, экипажи, кареты, которые хотели переправиться на другой берег, не двигались с места ни на ярд. Впереди слышались голоса, раздавались проклятия, крики, конское ржание, но причину, по которой образовалась пробка, отсюда понять было невозможно. Из окна ближайшей к ним кареты высунулся какой-то господин в чёрной шляпе.

Его жёсткий белый воротничок поднимался чуть ли не до ушей.

– Нет ли здесь другого пути через эту зловонную реку? – по-французски крикнул он своему кучеру.

Кучер отрицательно покачал головой.

– Даже если бы и был, нам тут всё равно не развернуться! Мы застряли. Пойду-ка я посмотрю, что там случилось. Смею вас заверить, сэр, скоро всё наладится.

Что-то буркнув в ответ, незнакомец снова спрятал голову, а вместе с ней шляпу и воротник, обратно в карету. Кучер тем временем слез с облучка и начал пробираться сквозь толпу.

– Ты слышал, Пол? Там *французы*, – восхищённо зашептала Люси. – Туристы!

– Да, очень мило. Но мы должны двигаться дальше, у нас совершенно нет времени, – он вспомнил, что когда-то читал о разрушении этого моста, и что потом мост был возведён снова на пятнадцать метров дальше. Не очень благоприятное место для прыжка во времени.

Они следовали за французским кучером, но на следующем участке пути повозки и люди теснились так близко друг к другу, что пройти мимо них было невозможно.

– Я слыхала, что тут везли бочки с маслом, и одна из них загорелась, – сказала какая-то женщина перед ними, не обращая при этом ни к кому конкретно. – Если они не будут следить за своим грузом, так и весь мост поджечь недолго!

– Точно, но только это случится не сегодня, насколько мне известно, – пробормотал Пол и схватил Люси за руку. – Пойдём. Мы перейдём обратно на тот берег и там дождёмся нашего прыжка.

– Ты помнишь пароль дня? А то вдруг мы всё-таки не успеем вовремя.

– Там было что-то вроде «подковать лапу».

– *Gutta cavat lapidem*, дурачок, – Люси захихикала и поглядела на него сверху вниз. Её голубые глаза заблестели от удовольствия. В его голове вдруг всплыло воспоминание о разговоре с братом, Фальком. Пол спросил его, как выбрать подходящий момент.

«Советую не тратить времени на разговоры, а действовать решительно. Если она будет против, то влепит тебе оплеуху – зато ты будешь знать наверняка».

Фальк, конечно, тут же поинтересовался, как зовут избранницу его младшего брата. Но Пол не горел желанием затевать долгие споры. Он уже достаточно наслушался фраз в духе:

«Ты же знаешь, связь между Монтроузами и де Виллерами должна ограничиваться деловой сферой!» И коронное заключение: «Кроме того, все девочки из рода Монтроузов – дурочки, а с возрастом они становятся стервами, как леди Ариста».

Ещё чего – дурочки! Возможно, к остальным девчонкам из рода Монтроузов это утверждение и можно было применить, но Люси не такая.

Она с каждым днём удивляла Пола всё больше. Ей одной он доверял то, что до сих пор не решался рассказать ни одной живой душе. Люси, с которой он...

Пол глубоко вздохнул.

– Ты почему остановился? – спросила Люси, но тут он наклонился над ней и прижал свои губы к её губам. На какой-то миг страх того, что она оттолкнёт его, был всё ещё велик,

³ До середины XVIII века Лондонский мост оставался единственным мостом через Темзу.

но затем она, кажется, пришла в себя от удивления и ответила на его поцелуй, сначала очень осторожно, а затем более настойчиво.

Вообще, подходящим этот момент назвать было сложно, им следовало торопиться, каждое мгновение они могли прыгнуть во времени и к тому же...

Пол забыл, что ещё он хотел добавить.

Единственное, что имело значение – это она.

Но вдруг его взгляд остановился на человеке в чёрной шляпе, и Пол испуганно отшатнулся.

Люси посмотрела на него сначала рассерженно, затем смущённо, и, наконец, густо покраснев, она уставилась под ноги.

– Прости, – пробормотала она. – Ларри Колмен говорил, что когда я целуюсь, в рот как будто суют незрелый крыжовник.

– Крыжовник? – он покачал головой. – И что это ещё за тип – Ларри Колмен?

Тут она смутилась ещё больше, а Пол ничем не мог ей помочь. Кое-как он попытался привести в порядок мысли в голове, отвёл Люси подальше от света факелов, приобнял за плечи и пристально посмотрел в глаза.

– Ладно, Люси. Во-первых, твой поцелуй похож на... на клубнику. Во-вторых, попадись мне этот Ларри Колмен, я ему по шее наkostenю. И в-третьих, хорошенько запомни, на чём мы остановились. Потому что продолжим мы немного позднее. Сейчас у нас возникла одна маленькая проблемка.

Он кивнул на высокого человека, который вразвалочку вышел из-за какой-то брочки и наклонился к окошку кареты, в которой сидел француз.

Глаза Люси округлились от страха.

– Добрый вечер, барон, – сказал мужчина. Он тоже говорил по-французски, и при звуке его голоса Люси крепко сжала руку Пола. – Как я рад вас видеть. Далёкий путь вы проделали из Фландрии, не так ли? – он снял шляпу.

Из кареты раздался возглас удивления.

– Ах, это вы, мнимый маркиз! Что вы здесь делаете? Как вы здесь оказались?

– Я бы тоже хотела это знать, – прошептала Люси.

– Неужели у вас не нашлось более любезных слов, чтобы поприветствовать собственного преемника? – весело ответил его рослый собеседник. – Как бы там ни было, я ведь внук внука вашего внука. И хотя иногда меня и называют человеком без имени, могу вас уверить, что имя у меня есть. Их даже несколько, если быть точным. Могу ли я присоединиться к вашему обществу и заглянуть к вам в карету? Стоять здесь довольно неудобно, а движение на мосту возобновится ещё нескоро, – не дожидаясь ответа и не оглядываясь по сторонам, он открыл дверцу и забрался внутрь.

Люси заставила Пола сделать пару шагов назад, ещё дальше от света факелов.

– Это он, сомнений быть не может! Только гораздо моложе. Что же нам делать?

– Ничего, – прошептал Пол. – Вряд ли сейчас подходящий момент, чтобы заглянуть в карету и поздороваться.

– Но что *он* здесь делает?

– Это просто совпадение. Он ни в коем случае не должен нас тут увидеть. Пойдём скорей на берег.

Но ни Пол, ни Люси не сдвинулись с места. Они заворуженно смотрели на окошко кареты, с ещё большим любопытством, чем несколько минут назад на сцену театра «Глобус».

– Во время нашей последней встречи я ясно дал вам понять, какого о вас мнения, – донесли из кареты слова французского барона.

– О да, я всё прекрасно помню! – незнакомец тихо рассмеялся, и в этот момент по рукам Пола вдруг пробежали мурашки. Он и сам не понимал, почему.

– Я принял решение, и менять его не намерен! – голос барона звучал немного неуверенно. – Дьявольскую вещь я передам Альянсу, как бы вы не старались это предотвратить. Ваши козни будут раскрыты, я знаю, что вы отдали душу дьяволу.

– О чём это он? – прошептала Люси.

Пол покачал головой.

Из кареты снова донёлся тихий смех.

– Мой узколобый и ограниченный предок! Насколько легче стала бы ваша – и вместе с тем, моя! – жизнь, если бы вы прислушивались к моим советам, а не к наставлениям вашего епископа или этих жалких фанатиков – Альянса. Вам следовало бы воспользоваться здравым рассудком, а не крестным знамением. Вы так и не осознали, что являетесь частью высшей силы, более могущественной, чем та, о которой проповедует ваш пастырь.

Вместо ответа барон, кажется, начал читать «Отче наш» Люси и Пол услышали лишь тихое бормотание.

– Аминь! – вздохнув, сказал его собеседник. – Итак, вы не желаете менять своё решение?

– Вы – дьявол во плоти! – сказал барон. – Покиньте мою карету и никогда больше не попадайтесь мне на глаза.

– Как пожелаете. Не буду долго обременять вас своим присутствием, замечу лишь, что на вашей могильной плите, которую я видел собственными глазами, выведена дата «14 мая 1602».

– Но ведь это... – сказал барон.

– Правильно, это сегодня. И до полуночи осталось не так уж много времени.

Барон захрипел.

– Что он там делает? – прошептала Люси.

– Он нарушает свои же собственные законы, – мурашки побежали у Пола по спине. – Он говорит о...

Он запнулся, потому что почувствовал знакомую тошноту.

– Мой кучер сейчас вернётся, – сказал барон, в его голосе звучал страх.

– Да, так оно и будет, – ответил его собеседник немного скужающим тоном. – Поэтому я и тороплюсь.

Люси положила руку себе на живот.

– Пол!

– Знаю, я чувствую то же, что и ты. Бежим! Если мы не хотим очутиться прямо в холодной речке, нам стоит поторопиться!

Он крепко схватил её за руку и потянул вперёд, стараясь не поворачиваться лицом к карете.

– Вы должны были умереть на родине от последствий простуды, – услышали они голос, доносившийся из кареты. – Но мои визиты к вам привели к тому, что сейчас вы находитесь здесь, в Лондоне, в добром здравии, и это меняет картину событий. Моя сущность, моё естество, в ответе за то, чтобы помочь смерти найти свою жертву.

Пол был погружён в собственные ощущения, потому что тошнота усиливалась с каждым мгновением, к тому же, он пытался вычислить, сколько метров им осталось до берега.

Но последние слова достигли его сознания, и Пол остановился как вкопанный.

Люси ткнула его в бок.

– Беги! – сквозь зубы процедила она, и сама ринулась вперёд по мосту. – У нас осталось несколько секунд!

Колени Пола дрожали, но он тоже со всех ног бросился к берегу. Пока Пол бежал, земля начала расплываться перед его глазами, а из кареты послышался зловещный приглушённый крик и еле слышный возглас:

– Дьявол!

Затем воцарилась мёртвая тишина.

Хроники Хранителей 18 декабря 1992

Глава первая

Сегодня в 15.00 Люси и Пол были отправлены на элапсацию в 1948 год. Вернулись они в 19.00, угодив прямым в розовый куст перед окном Зала Дракона.

На них были насквозь мокрые костюмы XVII века. Люси и Пол производили странное впечатление, говорили сбивчиво и невнятно. Поэтому я решил доложить обо всём лорду Монтроузу и Фальку де Виллеру, хотя молодые люди категорически возражали.

Разгадка оказалась вовсе не сложной: лорд Монтроуз вспомнил, что в 1948 году в саду проводился бал-маскарад, во время которого гости, а среди них были Люси и Пол, после нескольких бокалов вина ощутились в бассейне с золотыми рыбками. Лорд Лукас взял на себя ответственность за случившееся и пообещал позаботиться о замене испорченных экземпляров роз «Фердинанд Пикард» и «Миссис Джон Лэнг». Люси и Пол получили серьёзное предупреждение, впредь им необходимо воздерживаться от употребления алкоголя независимо от времени и места.

Отчет: Дж. Маунтджой, адепт второго уровня.

– Позвольте, вы в Храме Господнем, а не в кино на местах для поцелуев!

Я в испуге распахнула глаза и отпрыгнула назад, ожидая увидеть старомодного священника в развевающейся рясе и со скорченной физиономией, который поспешил бы тут же обрушить на нас покаянную молитву. Но помешал нам вовсе не священник. Это был даже не человек. А всего лишь маленькая фигурка, украшающая свод церкви. Сейчас она присела на скамью прямо возле наглей исповедальни и смотрела на меня так же смущенно, как и я на неё.

Хотя это было практически невозможно. Потому что моё состояние не вкладывалось в одно лишь понятие «смущение». Оно больше смахивало на полную потерю чувств и речи.

А началось всё с поцелуя.

Гидеон де Виллер – поцеловал – меня – Гвендолин Шеферд.

Конечно, можно было бы задаться вопросом – почему он решил поцеловать меня именно здесь и сейчас: на скамье, в церковной исповедальне, где-то в году 1912-ом. Зачем ему это понадобилось, сразу после такого невероятного побега, который мы только что совершили, побега, которому мешало, казалось, абсолютно всё, а особенно – моё новое облегающее платье до пят со смешным матросским воротничком.

Можно было бы, наверное, тут же провести глубокий анализ происходящего: сравнить этот поцелуй с другими, случившимися до него в моей жизни, и найти причину, почему Гидеон так хорошо целуется.

Можно было бы так же поразмыслить над тем, что Гидеону пришлось просунуть голову и руки в окошко исповедальни, а целоваться в таком положении не очень-то удобно. Я уже устала удивляться, так много мне пришлось пережить за последние три дня, когда стало известно, что именно я унаследовала фамильный ген путешественника во времени.

На самом же деле, голова моя была совершенно пуста, ни единой мысли в ней не задерживалось, кроме как, может быть: «О-о-о... и м-м-м-м... и ещё». По этой причине я не сразу почувствовала знакомую тошноту. И вот только что фигурка с церковного фасада, скрестив руки на груди, пронзала меня испепеляющим взглядом, а завеса исповедальни была темно-зелёной, и вдруг превратилась в противно-коричневую. Тогда до меня дошло – мы снова в настоящем времени.

– Ужас! – Гидеон втянул голову и руки обратно на свою сторону исповедальни и почесал затылок.

Ужас? Я вмиг свалилась с небес на землю и забыла обо всех говорящих фигурках.

– А мне показалось, не так уж и плохо, – пробормотала я, стараясь придать голосу как можно более будничным тон.

К несчастью, у меня так перехватило дыхание, что желаемого эффекта мои слова явно не произвели. Я не решалась заглянуть Гидеону в глаза, вместо этого я всё ещё пялилась на синтетическую занавеску, которая скрывала кабину исповедальни.

О Боже! Я перепрыгнула почти на сто лет вперед, не моргнув и глазом, а все потому, что этот поцелуй так сильно, так совершенно... потряс меня. То есть, сначала этот парень попрекает меня направо и налево, потом приходится спасаться бегством от каких-то типов с пистолетами, а потом, вдруг, совершенно неожиданно, он заявляет, что я – особенная, и целует меня. Да, и как целует!

Я сразу позавидовала всем девчонкам, у которых он этому учился.

– Кажется, кроме нас здесь никого нет, – Гидеон выскочил из исповедальни и направился к выходу. – Так, всё в порядке, мы сядем на автобус и вернёмся обратно в Темпл. Поторопись, они нас уже заждались.

Я не могла сдвинуться с места и только смотрела на него, не понимая смысла его слов. То есть, он вот так прямо хочет без лишних объяснений вернуться к повседневным делам?

Неплохо было бы обсудить некоторые вещи, после того как с кем-то поцелуешься, а? (Лучше бы, конечно, сделать это перед тем, как лезть целоваться, но, что уж там, теперь уже слишком поздно.) Что это вообще такое было? Что-то вроде объяснения в любви? Может, мы теперь даже встречаемся? Или мы просто так, убили время, потому что не знали, чем себя занять?

– В таком виде я в автобус не сяду, – заявила я и постаралась придать своему голосу уверенный тон.

Ни за что на свете я бы не произнесла вслух ни один из вопросов, которые роились в моей голове.

Моё платье было снежно-белого цвета с небесно-голубыми оборками на талии и вокруг шеи. В 1912-ом, наверное, такой наряд считался последним писком моды, но для проезда в общественном транспорте в двадцать первом веке он не подходил совершенно.

– Мы возьмём такси.

Гидеон обернулся, но не нашёлся, что возразить. В своём наряде – сюртуке и брюках с наглаженными складками – он, кажется, ни капельки не смущаясь, прокатился бы в любом автобусе. Выглядел он, кстати, действительно неотразимо. Особенно сейчас, когда его волосы не были тщательно зализаны, они растрепались и небрежно спадали ему на лицо.

Я вышла к нему на середину церкви и поёжилась. Здесь было ужас как холодно. Хотя, может, всё дело в том, что последние три дня мне никак не удавалось нормально выспаться? Или, скорее, причина в том, что сейчас произошло между мной и Гидеоном?

За последнее время мой организм выработал больше адреналина, чем за все предыдущие шестнадцать лет. Столько всего случилось, а времени, чтобы обдумать эти события, было так мало. Моя голова, казалось, вот-вот лопнет от переизбытка чувств и фактов. Если бы я была героиней какого-нибудь комикса, надо мной бы сейчас вместо слов висел огромный знак вопроса.

И парочка черепов.

Я сделала ещё несколько шагов вперёд. Ладно, если Гидеон так хочет вернуться к повседневной суете – пожалуйста, сколько угодно.

– Пойдём же, – сказала я нетерпеливо, – мне холодно.

Я хотела проскочить мимо него, но Гидеон крепко схватил меня за руку.

– Послушай, насчёт... только что... – он замолчал, выдерживал паузу, наверное, в надежде, что я его перебую и дополню.

Разумеется, я этого не сделала. Очень уж мне хотелось послушать, что он скажет. К тому же, как только мы снова оказались близко друг к другу, у меня перехватило дыхание, и я бы всё равно не смогла вымолвить ни словечка.

– Этот поцелуй... мне так... – снова обрывки фразы. Мысленно я тут же продолжила его слова:

Мне так жаль...

Да ладно, всё понятно. Но зачем тогда было делать это, скажи на милость? Это как если поджечь занавеску, прятаться за ней и удивляться, отчего это весь дом в огне (м-да, не совсем удачное сравнение). Мне ничуть не хотелось помочь ему договорить предложение до конца, я смерила Гидеона холодным выжидающим взглядом. То есть, я *попыталась* посмотреть на него холодным выжидающим взглядом, но на самом деле, в моих глазах наверняка сквозило что-то вроде: «я маленький оленёнок, пожалуйста, не стреляйте». Я ничего не могла с собой поделать. Нижняя губа начинала предательски подрагивать.

Я совсем не это имел в виду... – давай же, скажи это!

Но Гидеон молчал. Вместо этого он вытащил шпильку из моих спутанных волос (наверное, моя суперсложная закрученная и подобранная причёска за последние полчаса превратилась в гнездо для парочки птиц), взял одну прядь и намотал её себе на палец. Другой рукой он гладил меня по лицу. Затем Гидеон наклонился и поцеловал меня ещё раз. Новый поцелуй был невероятно мягким и осторожным. Я закрыла глаза – и вот это случилось со мной снова: мозг снова отключился без малейшего предупреждения. (Он наотрез отказывался работать, выдавая только «О-о-о, м-м-м и ещё»). Но всё это длилось секунд десять, не больше, потому что вдруг снова раздался недовольный голос:

– Опять безобразничаєте?

От испуга я легонько толкнула Гидеона в грудь локтем и уставилась прямо в глаза маленькой деревянной фигурке, которая как раз спускалась с галереи, под которой мы стояли. Если быть точной, это была не просто фигурка, а маленькое привидение.

Гидеон отпустил мои волосы и соорудил безразличную мину. О Боже! Хорошенькое же мнение у него теперь обо мне сложится! О чём он думает? Я заглянула в его зелёные глаза в поисках ответа, но они были бесстрастны, в них сквозила лёгкая отчуждённость.

– Мне... мне показалось, что я услышала что-то подозрительное, – пробормотала я.

– Ладно, – сказал он, немного растягивая букву «а», но, в общем, тон его был вполне благодушным.

– Ты услышала *меня*, – сказала привидение. – *Ты услышала* меня!

Ростом это привидение было не больше кошки, мордочка его, кстати, тоже напоминала кошачью: большие острые уши, как у рыси, и два скруглённых рога поближе к макушке, а кроме того, маленькие крылышки на спине и длинный хвост, покрытый чешуёй, который заканчивался кокетливым треугольничком. Сейчас этот хвост нетерпеливо постукивал по полу.

– Ты даже видишь меня!

Я не ответила.

– Тогда нам действительно стоит поторопиться, – сказал Гидеон.

– У тебя получается видеть и слышать меня! – восхищённо выкрикнуло привидение. Оно свалилось с галереи прямо на скамью и от избытка чувств то прыгивало с неё, то залезало обратно. Говорило оно как простуженный осипший ребёнок.

– Я точно знаю!

Только бы не выдать себя, а иначе мне от него никогда не избавиться. Поэтому, пока мы с Гидеоном шли к выходу, я с преувеличенным вниманием разглядывала одну скамью за другой. Гидеон распахнул передо мной ворота.

– Спасибо, очень мило с твоей стороны! – сказала привидение и тоже проковыляло наружу.

На улице я инстинктивно зажмурилась. Но солнце уже зашло, хотя мне показалось, что было ещё не очень поздно.

– Ну, ты у меня получишь! – выкрикнуло привидение и дёрнуло меня за подол платья. – Давай поговорим, пожалуйста! Эй, поосторожней, ты наступила мне на ногу... и не делай вид, будто ты меня не видишь. Я же знаю, что видишь, – от возбуждения из его рта выплеснулось немножко воды, и под моими сапожками образовалась маленькая лужица.

– Ой, прости, такое со мной случается только в чрезвычайных случаях.

Я обвела взглядом церковь. Кажется, это была базилика Викторианской эпохи с пёстрыми мозаиками на окнах и двумя колоннами, украшенными изящной лепниной. Стены церкви были сложены из слоев жжёного кирпича, отделанного нежно-бежевой штукатуркой, которая образовывала весёлый полосатый орнамент. Но сколько я ни вглядывалась, мне не попало больше ни одной фигурки. Ну почему это привидение оказалось таким приставучим!

– Вот я где! – крикнула фигурка и вскарабкалась на стену прямо перед моим носом. Лазала она быстро и ловко, прямо как ящерица. Так хорошо карабкаться по стенам умели не все привидения. На секунду я задержала взгляд на кирпиче возле его головы, а потом отвернулась.

Привидение, казалось, немного усомнилось в моих способностях.

– Ну, *пожалуйста*, – сказала оно. – Мне бы так хотелось поболтать с кем-нибудь кроме духа сэра Артура Конан Дойла.

Ох и хитрюга. Но меня так просто не провести. На самом деле, его было очень жалко, несчастное маленькое привидение, ему ведь так одиноко. Но я убедилась на собственном опыте, какими назойливыми бывают эти создания. Кроме того, оно помешало нам целоваться, и теперь Гидеон, наверное, считает меня пугливой коровой.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожа-а-а-луйста-а-а!!!! – канючило привидение.

Я не обращала на него ни малейшего внимания. Вот свалилось тут на мою голову, у меня и без него проблем хватает!

Гидеон вышел на проезжую часть и поднял руку, останавливая такси. Конечно, к нам сразу же подъехала машина. У некоторых людей это здорово получается, они прямо как магниты. Может, срабатывает какая-то естественная уверенность в своих силах. Таким магнитом, например, обладает моя бабушка, леди Ариста.

Стоит ей только остановиться у дороги и окинуть машины строгим взглядом, как тут же пустое такси тормозит перед ней на полном ходу.

– Гвендолин, ты идёшь?

– Ты же не сделаешь этого, не укажишь прочь, так и не сказав мне ни словечка, правда?

Хриплый детский голосок звучал так, будто привидение вот-вот расплчется. Этот голос разрывал мне сердце.

– Ведь мы только-только нашли друг друга.

Если бы мы остались с наедине, я бы, наверное, поддалась соблазну и заговорила с ним. Несмотря на острые клыки и когтистые лапы, вид у него был очень даже миленький. Наверное, ему ужас как одиноко. (Духу сэра Артура Конан Дойла уж точно есть чем заняться, кроме как беседовать с этим крошкой. Что он вообще забыл в Лондоне?) Но в наше время, если ты вдруг начинаешь общаться с привидением в присутствии посторонних, люди в лучшем случае считают тебя лгуньей и притворщицей, а в худшем, что, увы, случается чаще всего, они просто уверены в твоём сумасшествии. Мне не хотелось рисковать расположением Гидеона. Кроме того, последняя фигурка, с которой я общалась, оказалась такой приставучей, что мне едва удавалось в одиночестве проскользнуть в туалет.

Поэтому я с безразличным выражением лица залезла в такси и всё время глядела только прямо перед собой. Гидеон высунулся наружу. Таксист рассматривал наши костюмы в зеркале заднего вида, но хранил молчание. Я была ему за это несказанно благодарна.

– Сейчас почти половина седьмого, – сказал мне Гидеон, очевидно, стараясь завязать непринуждённую беседу. – Неудивительно, что я умираю с голоду.

После его слов я вдруг почувствовала, что мне тоже дико хочется есть. Утренний бутерброд я лишь чуть-чуть надкусила и тут же сбежала из-за стола – такое ужасное там царило настроение, а еда в школьной столовой, как всегда, была несъедобно-противной. Я с тоской вспомнила о хлебцах и тостах дома у леди Тилни. Их нам, к сожалению, так и не довелось попробовать.

Леди Тилни! Тут мне пришло в голову, что нам с Гидеоном стоило бы обсудить это приключение в 1912-ом году. Происходящее совершенно вышло из-под контроля, понятия не имею, чего себе надумали эти хранители, ведь у них нет ни малейшего чувства юмора относительно всего того, что касается путешествий во времени. Нам с Гидеоном дали задание отправиться в 1912-ый год и внести леди Тилни в хронограф (зачем понадобилась такая процедура, я, кстати говоря, до сих пор не поняла, но наверняка это дело чрезвычайной важности: речь идёт о спасении человечества, никак не меньше). Но мы не смогли выполнить это задание, потому что в доме леди Тилни неожиданно появились мои кузены Люси и Пол – отрицательные герои нашей истории. По крайней мере, в этом убеждена семья Гидеона, да и он сам. Согласно их версии, Люси и Пол украли второй хронограф и с его помощью перенеслись в прошлое. С тех пор, как это случилось, прошло много лет, они исчезли совершенно бесследно – и вдруг появились в гостях у леди Тилни, переполошив при этом всех присутствующих. Не помню, когда именно в ход пошло оружие, от страха в голове у меня всё перемешалось, но у меня перед глазами до сих пор стоял Гидеон с пистолетом у самого виска Люси. А ведь брать с собой пистолет из нашего времени, вообще-то, строго-настрого запрещалось. (Равно как и нельзя было взять с собой мобильный телефон, а жаль, ведь телефоном-то, по крайней мере, никого не застрелишь!) Затем нам удалось сбежать и укрыться в церкви. Но всё это время я не могла отделаться от мысли, что история с Люси и Полом не настолько однозначна, как представлял её нам господин де Виллер.

– Что будем говорить насчёт леди Тилни? – спросила я.

– М-да, – Гидеон устало почесал затылок. – Нам нет нужды врать и оправдываться, ты не думай, но было бы разумно опустить в нашем рассказе несколько фактов. Давай лучше я сам расскажу им, как было дело.

Ну вот, к Гидеону снова вернулся такой до боли знакомый командный тон.

– Ну да, конечно, – сказала я. – Я буду только кивать головой и держать рот на замке, как и положено приличной девочке.

Сама того не желая, я скрестила на груди руки.

Ну почему Гидеон всегда себя так ведёт? Неужели трудно побыть нормальным, хотя бы разок?

Сначала целуется (притом несколько раз!), а потом вдруг снова превращается в Магистра Ложи Хранителей. Ну, куда это годится!

Мы развернулись в разные стороны и уставились в окошки, каждый со своей стороны.

Гидеон первым прервал молчание. Один-ноль, я веду!

– Ну что с тобой такое? Молчок как рыбка на крючок? – его голос звучал почти смущённо.

– Что-что?

– Так всегда говорила моя мама, когда я был маленьким. Если я сидел такой надутый, как ты сейчас.

– У тебя есть *мама*? – только когда я это произнесла, до меня дошло, насколько дурацким был мой вопрос.

О Боже!

Гидеон поднял брови.

– А ты как думала? – озорно спросил он. – Ты, небось, считала, что перед тобой андроид, которого из лампочек и гаек скрутили дядюшка Фальк и мистер Джордж?

– До такого бы я не додумалась. А детские фотографии у тебя есть?

Когда я попыталась представить себе Гидеона в ползунках, с толстыми щёчками и редкими волосиками, то не смогла сдержать улыбку.

– Где же твои мама и папа? Они тоже живут здесь, в Лондоне?

Гидеон отрицательно махнул головой.

– Мой отец умер, а мама живёт в Антибе, на юге Франции, – Гидеон плотно сжал губы, мне показалось, что сейчас он снова погрузится в молчание. Но он продолжил:

– Да, так она и живёт на юге Франции, с моим младшим братом и своим новым мужем, месье Бертеленем, который только и умеет, что твердить мне «Зови же меня теперь папулей!». Он управляет фирмой по производству мелких деталей из меди и платины. По всей видимости, дела его идут неплохо, свою расфуфыренную яхту он назвал «Мистер Твистер».

Я не знала, что ответить, мне вдруг стало очень не по себе. Такая искренность была совершенно не в духе Гидеона.

– Ой, но зато туда, наверное, так интересно приезжать на каникулы, правда?

– Конечно-конечно, – сказал он с ехидством. – Там ведь бассейн величиною в три теннисных корта, а на этой треклятой яхте умывальники из чистого золота.

– Мне всё-таки кажется, это поприятней, чем проводить каникулы в промозглом домишке в Пибли, – моя семья обычно на каникулы уезжала в Шотландию. – Если бы я была на твоём месте, и у меня были бы родственники на юге Франции, я каталась бы к ним каждые выходные. Даже не будь у них бассейнов и яхт.

Гидеон снова покачал головой.

– Да что ты? А как бы ты выкручивалась, если бы при этом тебе нужно было на пару часиков прыгнуть в прошлое? Например, если ты едешь на полной скорости по автобану или у тебя миллион других важных дел?

– Ой... – я всё ещё не могла как следует привыкнуть к этой истории с прыжками во времени, поэтому предусмотреть абсолютно всё было как-то сложновато. Носителей гена путешественника во времени было двенадцать – жили они в разные века – и я всё ещё не могла поверить, что являюсь одной из них. Вообще-то, все считали, что ген должен проявиться у моей кузины Шарлотты, она ужасно старалась стать настоящей путешественницей во времени. Но по каким-то загадочным причинам моя мама решила подделать дату моего рождения, и вот теперь приходится расхлёбывать всю эту кашу. Как и у Гидеона, выбор у меня был не ахти: либо контролировать свои прыжки во времени с помощью хронографа, либо каждый раз приземляться в новом непредсказуемом месте и времени. На собственном опыте я смогла убедиться, что приятного в этом мало.

– Тогда бы тебе пришлось взять с собой хронограф, чтобы элапсировать куда-нибудь в безопасное время, – размышляла я вслух.

Гидеон безрадостно хмыкнул.

– О да, это было бы очень увлекательное путешествие, заодно я смог бы изучить многие исторические события, которые случались на пути моего следования. Но даже если мы забудем о том, что мне никогда не разрешат таскать хронограф в рюкзаке неизвестно где, – как бы *ты* обходилась без него всё это время? – говоря это, Гидеон смотрел не на меня, а куда-то мимо, в окошко. – Спасибо дорогим Люси и Полу – у нас теперь только один хронограф, забыла? – его голос снова стал резким, как и всегда, когда речь заходила о Люси и Поле. Я пожала плечами и

тоже отвернулась к окошку. Такси еле-еле ползло в направлении Пикадилли. Пробка – обычное дело для пятницы в центре города.

Наверное, быстрее было бы пройти пешком.

– Кажется, ты не совсем хорошо представляешь себе, во что ввязалась. Тебе вряд ли повезет уехать с этого острова, Гвендолин! – в голосе Гидеона сквозила горечь. – Или даже из этого города. Лучше бы твои родители вместо того, чтобы возить тебя на каникулы в Шотландию, показали бы тебе мир. Теперь для этого уже слишком поздно. Только представь себе, что все уголки Земли, которые тебе хотелось бы посетить, теперь ты сможешь разве что рассматривать в Google Tarrh.

Водитель вытащил растрёпанную книжку, откинулся на сидение и погрузился в чтение.

– Но... тебе же удалось побывать в Бельгии и в Париже, – сказала я. – И оттуда прыгнуть в прошлое, чтобы взять кровь у этого, как его там...

– Ага, – перебил меня Гидеон. – Вместе с дядей Фальком, тремя хранителями и костюмершей. Отличная поездочка! Да и вообще, Бельгия – это же такая необычная страна! Такая экзотическая! Не правда ли, каждый из нас только и мечтает о том, чтобы на пару дней отправиться именно в Бельгию?

Из-за этой горячей тирады я растерялась ещё больше и тихо спросила:

– А куда бы тебе хотелось съездить, будь у тебя право выбора?

– То есть, если бы я не был замешан во всём этом идиотизме с прыжками во времени? О, даже не знаю, куда бы я направился в первую очередь. В Чили, в Бразилию, в Непал, в Австралию, Новую Зеландию... – он кисло усмехнулся. – Да я бы везде хотел побывать. Только вот размышлять о том, что всё равно никогда не осуществится, не очень-то весело. Стоит смириться с тем, что наша жизнь всегда будет серой и монотонной.

– В промежутках между путешествиями во времени, – я покраснела, потому что он сказал «наша жизнь», и это прозвучало как-то... интимно, что ли.

– Это хоть немного восстанавливает справедливость, ведь мы находимся под неусыпным контролем и часами ждём в закрытых комнатах, – сказал Гидеон. – Если бы не путешествия во времени, я давно умер бы со скуки. Удивительно, но это так.

– Ну а мне, честно говоря, и нескольких фильмов ужасов достаточно, чтобы пощекотать себе нервы.

Я с тоской проводила взглядом велосипедиста, который выписывал восьмёрки, продвигаясь в пробке. Как же мне хотелось наконец-то очутиться дома! Машины перед нами не сдвинулись ни на миллиметр, что, казалось, совершенно не тревожило нашего погружённого в чтение водителя.

– Если твоя семья живёт на юге Франции – где же живёшь ты сам? – спросила я Гидеона.

– Недавно вот перебрался в Челси. Но вообще-то я приезжаю туда только помыться и поспать. И то не всегда, – он вздохнул. За последние три дня поспать ему удалось не больше, чем мне. Даже, наверное, меньше.

– Раньше я жил у дяди Фалька в Гринвиче, с тех пор, как мне исполнилось десять. То есть, с того самого времени, когда моя мама познакомилась с этим монсеньором-мухомором и захотела уехать из Англии. Но хранители, конечно же, нашли, что возразить. Ведь уже через несколько лет я должен был совершить свой первый прыжок во времени, а мне предстояло ещё столько всего узнать.

– И тогда мама оставила тебя одного?

Моя мама никогда бы такого не совершила, в этом я была уверена на все сто.

Гидеон пожал плечами.

– Дядя мне нравится, он вполне даже ничего, если только не слишком входит в роль магистра. Как бы там ни было, а он мне в тысячу раз милее, чем этот так называемый отчим.

– Но... – я с трудом отважилась на этот вопрос, поэтому перешла на шёпот:

– И ты по ней не скучаешь?

Гидеон снова пожал плечами.

– Пока мне не исполнилось пятнадцать лет и я мог спокойно путешествовать, я постоянно приезжал к ним на каникулы. Мама тоже приезжала в Лондон, как минимум дважды в год, под предлогом того, чтобы повидаться со мной. На самом же деле ей хотелось потратить денюжки месье Бертелена. Она с ума сходит по всяким тряпкам, обуви и старинным украшениям. И по шикарным ресторанам.

Да уж, прямо мамочка из комикса.

– А твой брат?

– Рафаэль? Он за это время превратился в настоящего француза. Этого мухомора он называет «папа», и однажды унаследует всю его платиновую империю. Хотя вид у него такой, будто он даже школу закончить не в состоянии, маленький лентяй. Всё своё время братец тратит на девчонок, а вовсе не на книги.

Гидеон положил руку на сидение за моей спиной, и дыхание у меня вдруг участилось.

– Почему это у тебя такой изумлённый вид? Что, жалеешь меня?

– Немножко, – ответила я чистосердечно и подумала об одиннадцатилетнем мальчишке, который должен был остаться один-одинёшенек в Англии. С таинственными дядьками, которые заставляли его фехтовать и играть на скрипке.

Ах да, и в поло!

– Но ведь Фальк – не твой настоящий дядя, он просто какой-то дальний родственник, да?

Машины позади нас сердито засигналили. Водитель бросил небрежный взгляд поверх книги и завёл мотор, не особо отвлекаясь от чтения.

Оставалось только надеяться, что глава ему как раз попалась не слишком интересная.

Гидеон, казалось, совершенно о нём забыл.

– Фальк всегда был для меня отцом, – сказал он. Он криво усмехнулся. – Ну правда, хватит смотреть на меня так, будто перед тобой Дэвид Копперфильд.

Что-что? Почему это я вдруг должна считать его Дэвидом Копперфильдом?

Гидеон застонал.

– Я имею в виду героя из романа Чарльза Диккенса, а вовсе не фокусника. Ты вообще хоть иногда что-нибудь читаешь?

Вот он и вернулся – знакомый заносчивый Гидеон. Я чуть не подпрыгнула от радости. Как ни странно, у меня вдруг отлегло от сердца – всё как и прежде. Я скорчила самую надменную мину, которую только смогла изобразить, и немножко отодвинулась от него в сторону.

– Честно говоря, я предпочитаю современную литературу.

– Да что ты? Неужели? – в глазах Гидеона мелькнул озорной огонёк. – И какие произведения?

Откуда ему было знать, что годы напролёт моя кузина Шарлотта мучила меня тем же вопросом, да ещё и с такой же точно высокомерной интонацией.

Вообще-то, читала я много, поэтому каждый раз подробно описывала Шарлотте, на чём именно я сейчас остановилась. Но ей мои книжки всегда казались либо «простецкими», либо «девчачьей чепухой». Однажды терпение моё лопнуло, и я раз и навсегда прекратила это издевательство. Иногда нужно бороться с врагами их же методами. Главное – это не показывать своего волнения и невзначай упомянуть парочку именитых авторов, при этом желательно на самом деле прочитать их книги.

Да, и ещё одно правило: чем экзотичней и непонятней звучит фамилия автора, тем лучше. Я гордо вскинула голову и уверенно посмотрела Гидеону прямо в глаза.

– Ну, например, люблю читать Джорджа Матруссека, Вэлли Лемб, Петра Сельвентики, Лиису Тикаанен. Мне вообще финские авторы очень нравятся, у них такое удивительное чувство юмора. Что ещё... все книги Джека Августа Мерривезера, хотя последняя, честно говоря,

меня немного разочаровала. Потом Хелен Марунди, конечно, Тахуро Яшамото, Лоуренс Делани, да, и, ясное дело, Гримпхук, Черковский, Мейленд, Питт...

Лицо Гидеона вытянулось от удивления.

Я пустила контрольный выстрел:

– Тот Питт, который Рудольф, а не тот, который Брэд.

Уголки губ Гидеона легонько вздрогнули, на лице мелькнула улыбка.

– Хотя должна признаться, что его «Аметистовый снег» мне совершенно не понравился, – пылко продолжала я. – Текст слишком перегружен метафорами, не правда ли? Пока я читала этот роман, у меня всё время было такое чувство, будто за Питта его написал кто-то другой.

– «Аметистовый снег»? – повторил Гидеон. Теперь он действительно улыбался вовсю. – Ах да, мне он тоже показался слишком перегруженным. Но вот «Янтарная лавина» мне очень понравилась.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как улыбнуться в ответ:

– Да, «Янтарная лавина» вполне заслуженно получила Австрийскую Литературную Премию. А как тебе книги Такоши Махуро?

– Ранний период творчества очень даже любопытный, но меня немного утомляет его постоянная проработка пережитых в детстве травм, – сказал Гидеон. – Из японской литературы мне ближе Ямамото Кавасаки и Харуки Мураками.

Я беззвучно хихикнула.

– Но Мураками действительно существует!

– Я знаю, – сказал Гидеон. – Шарлотта подарила мне один из его романов. Когда мы в следующий раз будем общаться на тему современной литературы, я обязательно посоветую ей почитать «Аметистовый снег» этого... как его там?

– Рудольфа Питта.

Шарлота подарила ему книгу? Как... э-э-э... как мило с её стороны. До такого не сразу додумаешься.

А что они, интересно, ещё такого делали вместе, когда не были заняты чтением? Моё смешливое настроение как ветром сдуло.

Как я вообще могла позволить себе вот так просто сидеть тут и трепаться с Гидеоном, будто между нами абсолютно ничего не произошло?

Сначала было бы неплохо прояснить некоторые важные моменты. Я уставилась на него, сама точно не зная, что именно хочу спросить.

Почему ты меня поцеловал?

– Скоро уже будем на месте, – сказал Гидеон.

Сбитая с мысли, я выглянула в окошко.

Действительно, пока мы с Гидеоном играли в умников, наш водитель отложил книгу и нажал на газ. Скоро мы должны были уже повернуть на Краун-Офис-Роу, что в районе Темпла, а именно там находилась штаб-квартира хранителей. Через несколько минут он припарковался на одной из частных площадок, рядом стоял ослепительно блестящий бентли.

– Вы уверены, что нас здесь не оштрафуют?

– Всё в порядке, – заверил его Гидеон и вышел из машины. – Нет, Гвендолин, ты оставайся здесь, а я принесу деньги, – сказал он, когда я попыталась тоже выбраться наружу. – И заруби себе на носу: что бы они не спросили – ты молчишь, я говорю. А пока посиди здесь, сейчас я вернусь.

– Время идёт, – мрачно напомнил водитель. Мы с ним наблюдали, как Гидеон скрылся между старинными домами Темпла. Только сейчас до меня дошло, что я осталась тут в качестве залога за проезд.

– Вы из театра? – спросил водитель.

– Что, простите? – какая-то тень проскользнула над нами. Или, может, мне показалось?

– Ну, костюмы у вас такие необычные, вот я и подумал..

– Нет, мы из музея, – сверху раздались странные звуки, как будто кто-то царапал металл. Словно на машину слетела птица. Какая-то очень большая птица. – Что это такое?

– Что именно? – спросил таксист.

– Кажется, на машине ворона или какая-то другая птица, – сказала я голосом, полным надежды. Но это, конечно же, была никакая не ворона, а маленькое привидение из Белгравии.

Когда оно увидело моё озадаченное лицо, кошачья мордочка озарилась победной улыбкой, и привидение выпустило струйку воды прямо на ветровое стекло машины.

Глава вторая

*Любовь не спрячешь за стенами,
Она пронзает всё кругом
И бьёт могучими крилами
Спокон веков и день за днём.*

Маттиас Клаудиус (1740—1815)

– Чё, удивилась? – выкрикнуло привидение. С того момента, как я вышла из такси, оно не отставало от меня ни на шаг и болтало без умолку. – Так просто нашего брата не проведёшь. От меня не избавишься...

– Да ладно. Послушай... – я поспешно оглянулась в сторону такси.

Водителю я сказала, что меня укачало, и мне срочно нужен глоток свежего воздуха. Сейчас он недоверчиво поглядывал в мою сторону и удивлялся, почему это я разговариваю со стеной дома напротив. Гидеона пока не было видно.

– Глянь-ка, я ещё и летать умею! – в доказательство своих слов привидение расправило крылья. – Совсем как летучая мышь. Передвигаюсь быстрее любого такси.

– Так, послушай меня, если я тебя вижу, это ещё вовсе не значит, что...

– Видишь и слышишь! – перебила фигурка. – Знаешь, как мне этого не хватает? Последний человек, которому удавалось меня видеть и слышать – это мадам Тюссо. Но ей моё общество было, к сожалению, совершенно безразлично. Чаще всего она поливала меня святой водой и молилась. Бедняжка, такая мнительная была особа, – привидение повело глазами вправо, а затем влево. – Сама понимаешь, столько голов отрубили...

Привидение снова выплюнуло струйку воды прямо мне под ноги.

– Ну перестань же ты, наконец!

– Прости, пожалуйста! Это от волнения. Я ведь когда-то украшал сточный жёлоб на крыше, не забывая.

Я уже мысленно попрощалась с надеждой избавиться от него, но всё же решила попытать счастье в последний раз. По-хорошему.

Я наклонилась прямо к его мордочке, наши глаза теперь были на одном уровне.

– Ты очень милый, правда. Но всё же, ты не можешь остаться со мной. Жизнь у меня довольно непростая, и, честно говоря, привидений, которых я знала до тебя, мне хватило с головой. Так что, пожалуйста, исчезни и больше не приходи ко мне.

– Никакое я не привидение, – обиженно сказала фигурка, – я демон. Или, скорее, всё, что от него осталось.

– Какая разница? – растерянно выкрикнула я. – Мне нельзя видеть ни привидений, ни демонов, пойми же ты наконец! Тебе нужно вернуться обратно в свою церковь.

– «Какая разница»? Неужели не понимаешь? Привидения – то, что остаётся от умерших людей, которые по какой-либо причине не хотят покидать этот мир. А я при жизни был демоном! Так что не ровняй меня под одну гребёнку с какими-то там привидениями. К тому же, вовсе это не *моя церковь*. Просто я туда частенько захоживаю.

Водитель уставился на меня, широко разинув рот от удивления. Через открытые окошки машины ему, наверное, было слышно каждое слово – каждое *моё* слово.

Я отмахнулась.

– Не важно. Со мной ты всё равно не останешься.

– Чего ты боишься? – фигурка подошла ближе и приподняла голову. – В теперешние времена ведь никого больше не сжигают на кострах и не обзывают ведьмами, если кто-то знает и видит чуть больше обыкновенных людей.

– Да, но в теперешние времена если человек разговаривает с привидениями – ой, то есть, с демонами – его держат в психушке, – сказала я. – Ну пойми же ты, что... – я запнулась. От моих увещаний всё равно было мало толку. По-хорошему от него не избавиться. Поэтому я нахмурилась и произнесла так твёрдо, как только смогла:

– Неужели ты думаешь, что у тебя есть право на общение со мной только потому, что я имела несчастье тебя увидеть?

Моя тирада не произвела на фигурку ни малейшего впечатления.

– Общение со мной только в радость...

– Давай начистоту: ты мне мешаешь! Так что, пожалуйста, уходи! – прошипела я.

– Нетушки, никуда я не пойду! Ты бы потом ещё долго печалилась. А вот, кстати, твой обнимашка вернулся, – привидение вытянуло губы и громко зачмокало, кривляясь и будто целуя кого-то.

– Да помолчи ты! – я видела, как Гидеон поспешно завернул за угол. – И отвяжись от меня, наконец! – последнюю фразу я пробормотала, не открывая рта, как настоящая чревоушательница.

Демона-привидение это, конечно же, ничуть не смутило.

– Что за тон, а ещё приличная девочка! Не забывай: как аукнется, так и откликнется.

Гидеон был не один. За его спиной мелькнул кругленький мистер Джордж. Ему пришлось бежать, чтобы поспеть за широким шагом Гидеона. Лицо его озаряла улыбка, которую видно было издали.

Я выпрямилась и поправила платье.

– Гвендолин, слава Богу, – запричитал мистер Джордж, вытирая со лба капли пота. – Всё ли с тобой в порядке, девочка моя?

– Ох, как запыхался, толстячок, – сказала привидение.

– Всё прекрасно, мистер Джордж. У нас просто возникли некоторые... э-э-э... проблемы.

Гидеон как раз передавал водителю деньги. Он предостерегающе посмотрел на меня поверх машины.

– Мы немного не рассчитали, – пробормотала я и поглядела на таксиста, который, удивлённо покачивая головой, выезжал с парковки.

– Да, Гидеон уже рассказал, что возникли некоторые сложности. Совершенно непонятное явление, какой-то пробел в системе, надо всё хорошенько проанализировать. И, по возможности, продумать новый план. Но самое главное, что с вами всё в порядке, – Мистер Джордж галантно подставил локоть, чтобы я взяла его под руку. Выглядело это довольно странно, потому что я была почти на полголовы выше его. – Пойдём же, девочка моя, нам ещё предстоит кое-что уладить.

– Но мне бы так хотелось поскорей оказаться дома, – сказала я. Привидение бойко прыгало по водосточной трубе прямо над нами. При этом оно вовсю горланило песню группы «Queen» «Friends will be friends».

– Да-да, конечно, – сказал мистер Джордж, – но сегодня ты провела в прошлом всего лишь три часа. Поэтому до завтра на всякий случай тебе придётся проэлапсировать ещё пару часов. Не волнуйся, никаких ответственных заданий не намечается. Посидишь в уютном подвальчике, поделаешь домашнее задание.

– Но... моя мама наверняка уже давно ждёт меня и очень волнуется! – кроме того, сегодня была среда, день, когда мы тайно смаковали курочку гриль и картошку фри. Да и вообще, мне так хотелось просто-напросто помыться и выспаться! Это просто верх наглости с его стороны, навешивать на меня домашнее задание, когда я в таком жутком состоянии.

Кто-то должен написать мне объяснительное письмо. *По причине того, что Гвендолин недавно получила чрезвычайные полномочия путешественницы во времени, её следует освободить от выполнения домашних заданий.*

Фигурка продолжала горланить, я держалась изо всех сил, чтобы не ввернуть парочку замечаний.

Мы с Лесли нередко включали караоке у неё дома, так что я была натренирована просто отлично. Даже в песнях группы «Queen» я не пропущу ни словечка. А вот демон коверкал текст просто кошмарно.

– Двух часов будет достаточно, – сказал Гидеон. Он снова шагал так широко, что мы с мистером Джорджем едва поспевали. – А потом можно будет отвезти её домой, пускай высыпается.

Терпеть не могу, когда в моём присутствии говорят обо мне в третьем лице.

– О да, и она уже радуется предстоящему отдыху, – сказала я. – Потому что она и правда очень-очень сильно устала.

– Мы свяжемся с твоей мамой и сообщим ей, что тебя доставят домой не позже десяти, – сказал мистер Джордж.

Не позже десяти? Эх, прощай, вкусенькая ароматная курочка гриль. Мой младший братец, наверное, объестся до невозможности – постарается и за меня, и за себя.

«When you're through with life and all hope is lost»⁴, – распевал демон, съезжая по кирпичной стене. Он то взлетал, то цеплялся когтями, примеряясь, как бы спуститься на тротуар прямо к моим ногам.

– Мы примем во внимание, что у тебя ещё есть школа, уроки, домашние задания, – сказал мистер Джордж больше самому себе, чем мне. – Думаю, тебе не стоит рассказывать дома о том, что ты делала в 1912 году, пусть они считают, что ты провела это время, элапсируя в 1956-ом.

Мы подошли к штаб-квартире хранителей.

Именно отсюда на протяжении столетий осуществлялось управление прыжками во времени. Скорее всего, род де Виллеров идёт от графа Сен-Жермена, самого известного путешественника во времени по мужской линии. Все женщины-путешественницы во времени, в том числе и я, происходили из рода Монтроузов. Кажется, все де Виллеры относились к женской линии с лёгким пренебрежением.

Именно граф Сен-Жермен придумал, как контролировать прыжки во времени с помощью хронографа. Он также издал этот пресловутый указ, согласно которому каждый путешественник во времени должен быть занесён в хронограф и считан.

Сейчас для полного набора в хронографе недоставало Люси, Пола, леди Тилни, и ещё какой-то дамочки, имя которой мне никак не удавалось запомнить. Нам предстояло вытянуть у них парочку миллилитров крови.

Но главный вопрос, ответ на который я так и не получила: что же, собственно, произойдёт, когда все двенадцать путешественников во времени будут считаны хронографом, и круг замкнётся? Кажется, никто толком не знает. Да и вообще, когда речь заходила о графе Сен-Жермене, хранителей охватывал благоговейный трепет.

У меня же от мысли о графе перехватывало дыхание, в прямом смысле. Потому что тот единственный раз, когда мы встретились с ним в прошлом, иначе как кошмаром не назовёшь.

Мистер Джордж распахнул передо мной входную дверь.

Маленький, кругленький он, как всегда, старался ободрить и поддержать меня. По крайней мере, мне так казалось. Среди всех этих людей мистер Джордж был единственным, кому я могла хоть немножко доверять. Кроме Гидеона. Хотя... нет, доверием это назвать сложно.

⁴ Если кажется, что жизнь кончена и надежды нет... (англ.)

Здание, в котором располагалась ложа, с виду ничем не отличалось от остальных домов на узких улочках, окружавших церковь Темпл-Чёрч. В этом районе большинство квартир были отведены либо под адвокатские конторы, либо под личные апартаменты доцентов Института Правоведения. Но я знала, что внутри штаб-квартира хранителей намного больше и роскошней, чем кажется снаружи. Основная её часть простиралась под землёй.

Перед самым порогом Гидеон схватил меня за рукав и прошептал:

– Я сказал им, что ты страшно испугалась, так что делай вид, что тебе было очень страшно, если хочешь поскорей попасть обратно домой.

– Мне казалось, я только так себя и веду, – пробормотала я.

– Вас ожидают в Зале Дракона, – мистер Джордж с трудом переводил дух. – Вы поднимайтесь, а я распоряжусь, чтобы миссис Дженкинс принесла вам что-нибудь поесть. Вы ведь наверняка успели проголодаться. У кого какие пожелания?

Только я открыла рот, чтобы выразить эти самые пожелания, как Гидеон схватил меня за локоть и потянул вверх.

– Всего и побольше! – крикнула я на бегу. Уже через секунду мы с Гидеоном повернули в следующий коридор, и мистер Джордж скрылся из виду. Моя длинная юбка путалась в ногах, пару раз я чуть не упала.

Фигурка, слегка подпрыгивая, весело ковыляла за нами.

– Сдаётся мне, твой дружок не очень-то хорошо воспитан, – сказала она. – Так обычно знаешь, кого тащат? Коз на рынок.

– Ну не лети ты так, – сказала я Гидеону.

– Чем раньше мы с этим разделаемся, тем раньше ты попадёшь домой.

Что это было, забота обо мне или ему просто хочется поскорее от меня отделаться?

– Да, но... ты не учёл, что я бы тоже хотела поучаствовать в разговоре. У меня, между прочим, накопилось немало вопросов, и мне надоело, что все их игнорируют.

Гидеон немного сбавил ход.

– Сегодня тебе всё равно никто ничего не объяснит. Сегодня им нужно только одно – выяснить, каким образом Люси и Полу удалось нас выследить. И ты, к сожалению, наша основная подозреваемая в этом деле.

Это *наша* больно кольнуло меня прямо в сердце, за что мне сразу же стало стыдно.

– Я тут единственная, кто вообще не в курсе того, что же, собственно, происходит!

Гидеон вздохнул.

– Я уже пытался тебе объяснить. *Сейчас* ты, возможно, ничего не знаешь и ни в чём не виновата. Но никому не ведомо, что ты натворишь в будущем. Не забывай, ты ведь и через много лет сможешь путешествовать во времени. Таким образом, ты можешь сообщить Люси и Полу о наших планах, – он запнулся. – Э-э-э, то есть, могла бы сообщить.

Я сердито фыркнула.

– Но ведь и ты тоже вполне мог бы это сделать! Да и вообще – с чего это они взяли, что виноват кто-то из нас двоих? Может, Маргарет Тилни сама оставила себе послание в прошлом? Или хранители? Они могли бы передать кому-нибудь из путешественников во времени письмо, из одного времени в другое...

– Чё-чё? – пробормотала фигурка, которая как раз пролетала над нашими головами. – Может мне кто-нибудь объяснить, о чём речь? Ни слова не понимаю.

– Конечно, вариантов много, – сказал Гидеон и зашагал ещё медленнее. – Но сегодня у меня было такое чувство, будто Люси и Пол тебя... как бы это сказать... *поразили*.

Он остановился, отпустил мою руку и серьёзно заглянул мне прямо в глаза.

– Не будь меня рядом, ты бы с ними наверняка поговорила, послушала бы их лживые рассказы и, может, даже добровольно сдала бы кровь для украденного хронографа.

– Нет, так бы я точно не поступила, – возразила я. – Но мне бы действительно хотелось услышать, что они хотели нам рассказать. Они вовсе не показались мне злыми.

Гидеон кивнул.

– Вот видишь, именно это я и имел в виду. Гвендолин, эти люди решили разрушить тайну, которая много веков оставалась неприкосновенной. Они захотели взять то, что им не принадлежит. И для этого им не хватает лишь нашей крови. Они не отступят ни перед какими препятствиями, чтобы её заполучить.

Он убрал со лба кудрявую прядь выбившихся волос, и у меня вдруг перехватило дыхание.

О Боже, как же хорошо он выглядел! Эти зелёные глаза, тонко очерченные линии губ, бледная кожа, кроме того, совершенно очаровательный запах – всё в нём было прекрасно. На секунду мне захотелось опустить голову ему на грудь. Но я, конечно же, этого не сделала.

– Кажется, ты забыл, что нам-то ведь тоже нужна их кровь. И именно ты держал пистолет у виска Люси, а не наоборот, – сказала я. – Они были безоружны.

Гидеон сердито нахмурил брови.

– Пожалуйста, Гвендолин, не будь такой наивной. Если бы всё пошло по их плану, нас бы заманили в ловушку. А там нас поджидали бы их помощники с пистолетами. И силы оказались бы неравны, поверь! Как минимум, четверо на одного.

– На двоих! – выкрикнула я. – Я-то тоже там была.

– Тогда пятеро на двоих, если учитывать леди Тилни. Не окажись у меня пистолета, нас бы уже, возможно, не было в живых. По крайней мере, они бы силой взяли у нас кровь, ведь именно с этой целью они туда и явились. И после всего ты хотела бы с ними *поговорить*?

– Эй, вы, там! – сказал демон. – Какие пятеро? Какие двое? Я чего-то не втираю?!

– Понимаю, ты растеряна, – сказал Гидеон. Голос его звучал теперь немного мягче, но в нём сквозило явное высокомерие. – За последние три дня тебе ведь так много пришлось узнать и пережить. Ты просто была к этому абсолютно не готова. Откуда тебе знать, что здесь происходит. Тебе давно пора домой. Ну, давай же скорей покончим с этим разговором, – он опять схватил меня за руку и потащил вперёд. – Я буду говорить, а ты кивай, ладно?

– Да, ты это повторил уже, наверное, раз двадцать! – раздражённо ответила я и вцепилась в ручку двери с надписью WC. – Можете начинать разговор, а мне надо в туалет. Между прочим, ещё с июля 1912-го.

Гидеон отпустил мою руку.

– Найдёшь без меня дорогу наверх?

– Конечно! – сказала я, хотя на самом деле сильно в этом сомневалась. В штаб-квартире хранителей было слишком много коридоров, лестниц, поворотов и дверей.

– Вот и славно! Одной заразой меньше, – сказала привидение. – Теперь ты можешь спокойно рассказать мне, что здесь у вас происходит.

Я подождала, пока Гидеон завернул за угол, потом открыла дверь туалета и прошипела, глядя прямо на демона:

– Ну, заходи скорей!

– Что? – привидение явно оскорбилось. – В туалет? Мне это кажется несколько...

– А мне всё равно, что тебе кажется. Здесь не так уж много мест, где можно спокойно пообщаться с демонами.

А мне бы очень не хотелось, чтобы нас кто-нибудь услышал! Давай же.

Фигурка зажала носик лапой и нехотя последовала за мной. В туалете лишь слабо пахло лимонным освежителем воздуха. Я быстро заглянула в кабинку. Там никого не было.

– В общем, так. Послушай меня! Кажется, от тебя не так-то просто избавиться, но если хочешь остаться со мной, тебе придется соблюдать некоторые правила, понял?

– Не ковыряться в носу, не говорить неприличных слов, не пугать собак... – забубнило привидение.

– Что-что? Нет, я хочу, чтобы ты учитывал, что иногда я хочу отдыхать от твоей компании. Ночью, в ванной, и если меня кто-нибудь снова поцелует... – на этом месте мне пришлось перевести дух, – ... то зрители мне не нужны, понятно?

– П-ф-ф... – фыркнула фигурка, – и это говорит девчонка, затянувшая меня в *туалет*!

– Так что, мы договорились?

– Ни под каким предлогом не стал бы ходить за тобой в туалет или... фи-и-и... смотреть, как ты целуешься, – твёрдо сказала привидение. – Можешь не бояться. А подглядывать за спящими – это вообще скучотища. Храпят вовсю, хрюкают во сне, я уж молчу о других вещах...

– Кроме того, не болтай мне на ухо, когда я с кем-нибудь беседую или отвечаю на уроке. Да, и, пожалуйста: если тебе уж так сильно хочется петь, будь добр, делай это, когда меня нет поблизости!

– А ещё я умею имитировать звук трубы, – сказала фигурка. – И звук почтового рожка. У тебя есть собака?

– Нет! – я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Чтобы общаться с этим типом, никаких нервов не хватит.

– Может, заведёшь тогда, а? Ну или кошку, на худой конец. Но эти кошки всегда такие высокомерные, их так просто не позлишь. Меня могут видеть ещё некоторые птицы. Может, у тебя есть птица?

– Моя бабушка терпеть не может домашних животных, – сказала я и мысленно добавила, что, наверное, ей бы нашлось что возразить и против невидимых питомцев вроде этого. – Ладно, давай начнём всё с начала. Меня зовут Гвендолин Шеферд. Приятно с тобой познакомиться.

– Химериус, – сказал демон, сияя от удовольствия. – Очень рад знакомству, – он забрался на умывальник и заглянул мне в глаза. – Правда, я так рад! купишь мне кошку?

– Нет. А теперь выкатывайся, мне действительно нужно в туалет!

– Упс, – Химериус поспешно засеменил к выходу и выскочил, не отворяя дверь. Я услышала, как в коридоре снова раздались завывания на тему «Friends will be friends».

В туалете я решила задержаться подольше: как следует вымыть руки и побрызгать холодной водой себе в лицо, в надежде, что в голове немного прояснится. Но там мельтешили спутанные мысли, они не желали останавливаться ни на секунду.

Я посмотрелась в зеркало. То, что я увидела у себя на голове, больше смахивало на воронье гнездо, чем на причёску. Я попыталась руками пригладить торчащие во все стороны волосы и поднять себе настроение, как это сделала бы моя подруга Лесли, будь она сейчас рядом.

– Ещё несколько часов, и всё будет позади, Гвендолин. Эй, для усталой и голодной девочки ты не так уж и плохо выглядишь.

Моё отражение в зеркале смотрело на меня с укоризной. Под глазами появились синяки, лицо совсем побледнело.

– Ладно, соврамши! – призналась я. – Вид у тебя страшненький. Но вообще-то, бывали случаи, когда ты выглядела и похуже. Например, когда болела ветрянкой. Так что выше голову, детка! Ты это сделаешь!

Выйдя из туалета, я тут же увидела Химериуса. Он раскачивался на люстре вниз головой, прицепившись к ней, как летучая мышь.

– Жутковато тут, – признался он. – Только что проходил какой-то однорукий рыцарь в доспехах, ты его знаешь?

– Нет, – сказала я, – слава Богу, нет. Пойдём скорей, нам сюда.

– А что это у вас за история с путешествиями во времени?

– Сама не понимаю, что в ней к чему.

– купишь мне кошку?

– Нет.

– А я знаю место, где котят бесплатно раздают. Ой, там в доспехах – человек.

Я поглядела на доспехи, стоявшие возле стены, и действительно, мне показалось, что в шлеме мелькнули чьи-то глаза. Ещё вчера я радостно хлопала эти же самые доспехи по плечу, считая, конечно, что они пустые и просто украшают коридор.

Казалось, со вчерашнего дня прошло несколько лет. Перед входом в Зал Дракона я наткнулась на миссис Дженкинс с подносом. Я распахнула перед ней дверь. Она поблагодарила меня энергичным кивком.

– Сначала чай с пирожными, золотко, – сказала она и улыбнулась, как будто извиняясь. – Миссис Мелори давно ушла, так что придётся мне сходить в кухню и поискать, что там осталось для вас, голодных моих ребят.

Я кивнула, как и полагалось благовоспитанной девочке, но мой желудок недовольно пробурчал что-то вроде: «Просто закажи какой-нибудь еды в китайском ресторане!»

В зале нас уже заждались. Там были Гидеон, дядя Фальк, янтарными глазами и седой шевелюрой напоминавший мне волка, мрачный доктор Уайт в своём неизменном чёрном костюме и – к моему великому удивлению – наш учитель английского и истории мистер Уитмен, которого мы с Лесли прозвали «бельчонком». Мне сразу стало ещё больше не по себе, и я неуклюже вцепилась в подол своего светло-голубого платья.

Ещё сегодня утром мистер Уитмен строго отчитал нас с Лесли, когда мы болтали в туалете во время урока. А кроме того, он конфисковал все материалы, которые Лесли собрала, чтобы мне помочь. Раньше мы только предполагали, что мистер Уитмен принадлежит к Внутреннему Кругу Хранителей, но теперь мне пришлось в этом убедиться.

– Гвендолин, а вот и ты, наконец, – дружелюбно сказал Фальк де Виллер, но улыбки на его лице не было. Не мешало бы ему побриться, лицо уже покрыто густой щетиной. Но, возможно, он относится к тем мужчинам, которые утром бреются, а до вечера у них успевает отрасти маленькая борода. Может, мне это просто показалось, потому что кожа вокруг рта у него была более грубая и тёмная. Во всяком случае, вид у Фалька де Виллера был гораздо строже и напряжённее, чем вчера или в среду.

Настоящий волк – вожак стаи.

Мистер Уитмен, несмотря на утреннее происшествие, подмигнул мне, а доктор Уайт пробормотал что-то невразумительное, я расслышала только «эти женщины» и «никакой пунктуальности».

Возле доктора Уайта, как всегда, стоял маленький светловолосый мальчик-привидение по имени Роберт. Казалось, он единственный, кто обрадовался моему приходу – малыш лучезарно улыбался. Он был сыном доктора Уайта. В семь лет мальчик утонул в бассейне. Он превратился в привидение и вот уже несколько лет не отставал от своего отца ни на шаг. Кроме меня его, конечно же, никто не видел. Нормально поговорить с Робертом мне пока не удалось, ведь рядом с ним всегда был доктор Уайт. А мне так хотелось бы выяснить, что же до сих пор держит его на земле.

Гидеон скрестил руки на груди и прислонился к одной из искусно украшенных резных стен. Он мимоходом взглянул на меня и сразу же перевёл глаза на поднос в руках у миссис Дженкинс. Надеюсь, в животе у него бурчало так же громко, как и у меня.

Химериус запрыгнул в зал ещё передо мной, сейчас же он беспокойно оглядывался по сторонам.

– Ничего себе, – сказал он, – отгрохали хоромы! – Химериус прогуливался по залу, оглядывая узоры на стенах. Я тоже не могла отвести от них глаз, хотя видела их уже не в первый раз. Особенно выразительной была русалка, которая плыла над диваном. Каждая чешуйка была вырезана с невероятной тщательностью, а плавники переливались голубым и бирюзовым светом.

Но своё название этот зал получил в честь огромного дракона, который извивался между люстрами. Зверь был вырезан так виртуозно, что казалось, он вот-вот расправит крылья и слетит с потолка.

Заметив Химериуса, Роберт попятился назад, прикрыл глаза и юркнул за спину доктора Уайта.

Мне так хотелось сказать ему что-то вроде «Он тебя не обидит, он хочет только поиграть» (надеясь, что это так и есть), но рассказывать призраку мальчика о демоне, да ещё и в присутствии стольких людей, не рекомендуется.

– Я пойду гляну, не осталось ли на кухне ещё какой-нибудь еды, – сказала миссис Дженкинс.

– Вам давно пора домой, миссис Дженкинс, – сказал Фальк де Виллер. – В последнее время вы и так много работаете сверхурочно.

– Правильно, идите домой, – поддержал его доктор Уайт. – Никто тут без вас с голоду не умрёт.

Я умру! Я была уверена на сто процентов, что Гидеон сейчас думает о том же. Когда наши глаза встретились, он улыбнулся.

– Но пирожные здоровым ужином для детей не назовёшь, – сказала миссис Дженкинс. Хотя голос её звучал тихо-тихо.

Мы с Гидеоном уже, конечно, детьми себя не считали, но нормальная порция чего-то вкусного к ужину нам бы точно не повредила. Жаль, что единственной, кто был со мной в этом солидарен, была миссис Дженкинс. А у неё права голоса, в общем-то, не было. В дверях она столкнулась с мистером Джорджем, который всё ещё тяжело дышал. Он тащил два тяжелых фолианта в кожаном переплёте.

– О, миссис Дженкинс, – сказал он, – большое спасибо за чай. Пожалуйста, отправляйтесь домой и закройте офис.

Миссис Дженкинс поглядела на него с лёгким презрением, но голос её был вежливым, как и прежде:

– Тогда до завтра!

Мистер Джордж, пыхтя, закрыл за ней дверь и положил толстые книги на стол.

– Вот и я. Давайте начинать. Четыре члена Внутреннего Круга не имеют права принимать решение, но завтра утром мы будем практически в полном составе. Можем обойтись без Синклера и Хокинса, они передали своё право голоса мне. Сегодня нам предстоит только наметить план дальнейших действий.

– Давайте присядем, – Фальк указал на стулья, которые стояли вокруг стола прямо под резным драконом. Все уселись. Гидеон повесил свой сюртук на спинку стула и закатал рукава.

– Я повторяю, Гвендолин здесь сегодня присутствовать не обязана! Она устала и страшно перенервничала.

Ей нужно ещё немного проэлапсировать, а затем пусть кто-нибудь доставит её домой.

А перед этим пусть ей ещё закажут пиццу. С двойным сыром, пожалуйста.

– Не волнуйся. Дай Гвендолин возможность поделиться с нами своими впечатлениями, – сказал мистер Джордж. – А затем я сам отведу её к хронографу.

– Уставшей и нервной она совсем не кажется, – пробормотал «чёрный» доктор Уайт.

Роберт, маленькое привидение, стоял за спинкой его стула и с интересом поглядывал на диван, на котором развалился Химериус.

– Это что за *штука*? – спросил он меня.

Я, конечно, ничего не ответила.

– Я не штука, я добрый друг Гвендолин, – ответил за меня Химериус и высунул язык. – Даже, наверное, лучший друг. Она купит мне собаку.

Я окинула диван строгим взглядом.

– Случилось невозможное, – сказал Фальк. – Когда Гидеон и Гвендолин разыскали леди Тилни, их уже поджидали. Все здесь присутствующие могут подтвердить, что мы наугад выбрали дату и время прыжка. Но Люси и Пол подкараулили ребят. Совпадением это быть не может.

– Значит, кто-то донёс им о наших планах, – сказал мистер Джордж, перелистывая страницы одного из фолиантов. – Вопрос только один – кто.

– Скорее, когда, – сказал доктор Уайт, глядя на меня.

– И с какой целью, – сказала я.

Гидеон вдруг нахмурился.

– Цель очевидна. Им нужна наша кровь, чтобы считать её и занести в украденный хронограф.

– В записях нет ни единого слова о вашем визите к леди Тилни, – сказал мистер Джордж. – Но ведь вы общались по меньшей мере с тремя хранителями. Да ещё и стражи, которые охраняют коридоры. Может, вы запомнили чьи-нибудь имена?

– Первый секретарь принял нас лично, – сказал Гидеон и откинул локон со лба. – Вроде его звали Бёрджес, как-то так. Он сказал, что братья Джонатан и Тимоти де Виллеры должны прибыть на элапсацию вечером, а леди Тилни уже элапсировала с утра. Затем мужчина по фамилии Уинсли отвёз нас в Белгравию. Он должен был нас дожидаться, чтобы отвезти обратно, но когда мы вышли из дома, его экипажа и след простыл. Нам пришлось бежать со всех ног. Затем мы спрятались в убежище, где можно было дожидаться следующего прыжка.

Я почувствовала, что при упоминании об убежище мои щёки вспыхнули. Я поспешно схватила пирожное и опустила глаза.

– Отчёт об этом дне составлен хранителем Внутреннего Круга, неким Фрэнком Майном. Здесь всего пара строк, немного о погоде, затем о марше протеста суфражисток в Сити, а затем о том, что леди Тилни вовремя явилась на элапсацию. Никаких особых происшествий. Близнецы де Виллеры здесь не упоминаются, хотя в те годы они уже были членами Внутреннего Круга, – Мистер Джордж вздохнул и захлопнул фолиант. – Очень странно. Всё это напоминает какой-то заговор.

– Но главный вопрос остаётся прежним: откуда Люси и Пол узнали о том, что Гидеон и Гвендолин появятся у леди Тилни именно в этот день и именно в это время? – сказал мистер Уитмен.

– Уф-ф, – подал голос со своего дивана Химериус, – слишком много имён, прямо башка кругом!

– Ответ очевиден, – сказал доктор Уайт, снова поглядывая в мою сторону.

Все, включая меня, задумчиво и напряжённо уставились перед собой.

Я ничего не совершила, но, кажется, все здесь присутствующие считали, что в будущем я захочу рассказать Люси и Полу, когда именно мы собирались посетить леди Тилни.

Всё это было очень запутанно. Чем больше я об этом думала, тем менее логичными казались мне эти мысли.

Мне вдруг стало так одиноко.

– Что это вообще за фрики? – сказал Химериус и перепрыгнул с дивана прямо на люстру, где он снова устроился вниз головой. – Путешествия во времени? Уж кто-кто, а наш брат на своём веку повидал немало, но даже для меня это что-то новенькое.

– Я одного не понимаю, мистер Джордж, – сказала я. – Почему вы решили, что в этих записях найдётся упоминание о нашем визите? То есть, если там что-то и было, вы ведь могли прочитать это раньше, вы бы *раньше* знали, что мы попадём туда именно в этот день и что нам придётся там пережить. Или это как в том фильме с Эштоном Кутчером? Каждый раз, когда кто-то из нас возвращается из прошлого, будущее полностью изменяется?

– Это очень интересный философский вопрос, Гвендолин, – сказал мистер Уитмен таким тоном, будто мы были на уроке. – Фильм, о котором ты говоришь, мне не знаком, но согласно законам логики, малейшая модификация прошлого влечёт за собой колоссальные изменения будущего. Например, в одном рассказе Рея Брэдбери...

– Давайте-ка всё же отложим философские дискуссии до следующего раза, – перебил его Фальк. – Мне хотелось бы услышать подробности вашего пребывания в доме леди Тилни. Любопытно также узнать, каким образом вам удалось сбежать.

Я посмотрела на Гидеона. Ну-ну, пускай выдаст свою версию про побег без пистолета. Я взяла ещё одно пирожное.

– Нам повезло, – сказал Гидеон. Голос его даже не дрогнул. – Я сразу заметил: что-то тут не так. Леди Тилни, казалось, ни капли не удивилась, когда нас увидела. Стол был накрыт и когда появились Люси и Пол, а в дверях вырос швейцар, мы с Гвендолин забежали в соседнюю комнату и спустились оттуда по боковой лестнице. Экипаж куда-то исчез, поэтому нам пришлось бежать.

Казалось, врать ему было не очень-то сложно. Он не краснел, не моргал, не смотрел в потолок. Голос его звучал так же уверенно, как и прежде.

Но всё-таки в этой истории оставались некоторые пробелы, из-за которых она была не похожа на правду.

– Странно, – сказал доктор Уайт. – Если бы они действительно решили вас задержать, то вооружились бы до зубов и позаботились о том, чтобы вам невозможно было уйти.

– У меня от вас голова кругом, – сказал Химериус. – Ненавижу эту мешанину – «если бы, вам бы», не люблю сослагательное наклонение!

Я с надеждой взглянула на Гидеона.

Теперь придётся ему выкручиваться, раз он так хочет убедить их в своей «безпистолетной» версии.

– Мне кажется, мы их просто перехитрили, – сказал Гидеон.

– Хм, – Фальк покачал головой. Остальные собравшиеся тоже недоверчиво смотрели на меня. Неудивительно! Гидеон всё испортил! Если уж решил врать, тогда будь добр, иди до конца – угости слушателей парочкой интересных деталей.

– Мы, правда, действовали очень быстро, – поспешно сказала я. – Ступеньки на боковой лестнице, наверное, только-только натёрли лаком, я чуть не поскользнулась. Вообще-то, я скорее съезжала по этой лестнице, чем бежала. Если б мне не посчастливилось вовремя схватиться за перила, лежала бы я сейчас со сломанной шеей в 1912 году. Кстати говоря, что происходит, если путешественник во времени умирает где-нибудь в прошлом? Тело прыгает само по себе обратно в настоящее время? Ну, как бы там ни было, нам крупно повезло – чёрный ход был открыт, через него только что зашла служанка, которая несла сумку с продуктами. Толстая светловолосая девушка. Мне казалось, что Гидеон вот-вот сойдёт с ног. Она несла полную корзину яиц, вот крику было бы! Но мы её не задели, пронеслись мимо и выбежали на улицу. Мы так летели, что я натёрла мозоль на пальце.

Гидеон откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Я старалась поймать его взгляд, но он отвернулся. Благодарностью это не назовёшь.

– В следующий раз надо будет надеть кеды, – попытожила я, нарушая наступившую в зале тишину. Затем я потянулась за ещё одним пирожным. Кроме меня они, кажется, никому не понравились.

– У меня появилась догадка, – медленно сказал мистер Уитмен, покручивая на указательном пальце правой руки свой перстень с печатью. – И чем дольше я думаю, тем больше убеждаюсь, что я прав. Если...

– Возможно, я выгляжу глупо, но повторюсь ещё раз: я действительно настаиваю на том, что ей не следует присутствовать при этом разговоре, – сказал Гидеон.

Я вздрогнула. Теперь Гидеон меня не просто обидел, а даже разозлил.

– Он прав, – поддержал Гидеона доктор Уайт. – С нашей стороны это полнейшее безрас-
судство – допускать её к нашим переговорам.

– Но мы ведь хотели услышать воспоминания Гвендолин, – сказал мистер Джордж. –
Каждая деталь, как, например, впечатления об одежде или словах, может дать нам подсказку,
в каком времени следует искать Люси и Пола.

– Она сможет рассказать нам об этом завтра или послезавтра, – сказал Фальк де Виллер. –
А сейчас отправляйся, пожалуйста, вниз, отведи Гвендолин на элапсацию.

Мистер Джордж скрестил руки на своём толстеньком животе и молча смерил взглядом
Фалька.

– Давайте я пойду с Гвендолин к хронографу и прослежу за ходом прыжка во времени, –
сказал мистер Уитмен, вставая и отодвигая стул.

– Хорошо, – Фальк согласно кивнул. – Двух часов будет достаточно. Можно поручить
кому-нибудь из адептов, чтобы он встретил её по возвращении. А ты нужен нам здесь.

Я вопросительно посмотрела на мистера Джорджа. Он немного смущённо пожал пле-
чами.

– Пойдём, Гвендолин, – позвал мистер Уитмен, – чем раньше ты с этим справишься, тем
быстрее отправишься спать. Тогда завтра в школе ты сможешь работать наравне со всеми. С
нетерпением жду твоего сочинения о Шекспире.

Вот кошмар! Это у него, наверное, нервы шалят! В такой момент вспомнить о Шекспире,
ну даёт! На секунду я задумалась, а не стоит ли мне возмутиться, но потом решила промол-
чать. Вообще-то мне и самой не хотелось больше слушать весь этот бред. Мне просто хотелось
поскорей очутиться дома и забыть о прыжках во времени, хронографе, и о Гидеоне, кстати,
тоже. А они пусть тут сидят в своём дурацком зале и переливают свои жутко важные секретные
разговорчики из пустого в порожнее, пока совсем не охрипнут. А Гидеону вообще мои особые
пожелания, счастливо оставаться!

Химериус был прав: все они полные фрики.

Меня смущало только одно: несмотря ни на что, я всё равно поглядывала на Гидеона, а
в моей голове крутилась назойливая мысль: *если он сейчас улыбнётся, я всё ему прощу.*

Само собой, он не улыбнулся. Вместо этого он выразительно посмотрел мне в глаза. О
чём он думал, я отгадать не могла. Вдруг мне показалось, что наш поцелуй остался далеко
позади, в голову полезли глупые стишки, которые изрекала Синтия Дейл, наш школьный ора-
кул в любовных делах: «Глазки-то зелёные, а в сердце чернота, от любви со стонами нету и
следа».

– Спокойной ночи, – с достоинством произнесла я.

– Спокойной ночи, – пробормотали все. То есть, все, кроме Гидеона.

Он сказал:

– Не забудьте завязать ей глаза, мистер Уитмен.

Мистер Джордж раздосадованно хмыкнул. Выходя за дверь в сопровождении мистера
Уитмена, я услышала, как мистер Джордж сказал:

– Неужели вам не приходило в голову, что как раз из-за столь ограниченного поведения
происходит то, что происходит?

Ответил ли ему кто-то или нет, я уже не услышала. Тяжёлая дверь захлопнулась, голоса
стихли.

Химериус почесал затылок кончиком хвоста.

– Да уж, такое странное сборище мне ещё не приходилось видеть!

– Не принимай всё слишком близко к сердцу, Гвендолин, – сказал мистер Уитмен. Он
вытащил из пиджака чёрный платок, сложил его и приложил к моим глазам. – Ты для нас игрок
новый. Таинственная незнакомка.

Что он хотел этим сказать? Это для меня всё вокруг было новым, а не наоборот!

Ещё три дня тому назад я и понятия не имела о существовании хранителей. Тогда моя жизнь была абсолютно нормальной. Ну, по крайней мере, в общих чертах.

– Мистер Уитмен, прежде чем вы завяжете мне глаза.. мы можем заглянуть в ателье мадам Россини и забрать мои вещи? Я оставила тут уже второй комплект школьной формы, а мне ведь нужно будет что-то надеть завтра утром. Да и рюкзак с книгами тоже там.

– Конечно, – шагая по коридору, мистер Уитмен помахивал перед собой платком. Настроение у него явно было хорошее. – Можешь спокойно переодеваться в свои вещи, в этом путешествии тебе не придётся ни с кем встречаться. В какой год мы должны тебя отправить?

– Какая разница, если меня всё равно запрут в подвале, – сказала я.

– Да-да, нужно отправить тебя в тот год, где у тебя не будет шанса с кем-нибудь... случайно встретиться. Начиная с 1945 года никаких проблем не возникнет, а вот раньше это помещение использовали в качестве бомбоубежища. Как насчёт 1974-го? Это год, в котором я родился. Хороший был год, – он улыбнулся. – Или давай отправим тебя в 30 июля 1966-го. В этот день Англия выиграла у Германии в финале чемпионата мира. Но ты не рьяная болельщица, правда?

– Нет, особенно когда сидишь в какой-то дыре без единого окошка на глубине двадцати метров под землёй, – устало сказала я.

– Это для твоего же блага, – мистер Уитмен вздохнул.

– Погодите, погодите, – сказал Химериус, который кружил вокруг меня. – Я что-то снова не совсем понял. Значит, ты сейчас сядешь в машину времени и отправишься в прошлое?

– Да, правильно, – ответила я.

– Тогда давай зададим 1948-ой год, – сказал мистер Уитмен. – Летние Олимпийские Игры в Лондоне.

Он шёл впереди, поэтому не увидел, как я состроила раздражённую мину.

– Путешествия во времени! Ну ничего себе! Хорошенькую же я себе нашёл подружку! – сказал Химериус. В его голосе мне впервые послышалось что-то вроде уважения.

Комната, в которой стоял хронограф, находилась глубоко под землёй. Каждый раз меня приводили и уводили с завязанными глазами, но мне начинало казаться, что я примерно знаю, где нахожусь. Хотя бы потому, что в 1912 и в 1782 годах мне посчастливилось выбраться отсюда без повязки на глазах. Когда мистер Уитмен вывел меня из пошивочной мадам Россини и указал на коридор и лестницу перед собой, я почувствовала, что начинаю запоминать маршрут. Только в конце пути мне показалось, что мистер Уитмен сделал ещё парочку лишних поворотов, чтобы меня запутать.

– Вот чудaki, – сказал Химериус, – зачем это они запихнули машину времени в самый тёмный на свете чулан?

Я услышала, как мистер Уитмен с кем-то заговорил, затем открылась массивная дверь, мы куда-то вошли, и дверь снова затворилась. Мистер Уитмен снял с моих глаз повязку.

Я зажмурилась от света. Рядом с мистером Уитменом стоял какой-то рыжеволосый юноша в чёрном костюме. Казалось, он очень нервничает, на лбу у него выступили капельки пота. Я огляделась в поисках Химериуса. Тот развлекался вовсю: он просовывал голову сквозь закрытую дверь, а туловище при этом оставалось в комнате.

– Это самые толстые стены, которые мне когда-либо приходилось видеть, – сказал он, снова появившись передо мной. – Они такие толстые, что в них можно было бы замуровать слоновье ухо, хоть вдоль, хоть поперёк.

– Гвендолин, это мистер Марли, адепт первого уровня, – сказал мистер Уитмен. – Он будет ждать здесь и затем проведёт тебя обратно вверх. Мистер Марли, это Гвендолин Шеферд, Рубин.

– Знакомство с вами – большая честь для меня, мисс, – сказал рыжеволосый и легонько поклонился.

Я смущённо улынулась.

– Э-м-м, мне тоже приятно с вами познакомиться.

Мистер Уитмен тем временем суеился перед окошком суперсовременного сейфа. Раньше я его здесь не замечала. Сейф был спрятан за гобеленом со сказочными средневековыми сюжетами. Рыцари на лошадях и с плюмажами на шлемах и придворные дамы в остроконечных шляпках с вуалями восхищённо смотрели на полуголого парня, который победил дракона. Пока мистер Уитмен вводил какую-то комбинацию цифр, рыжеволосый мистер Марли скромно взирал на свои ботинки. Хотя подглядеть всё равно было невозможно, широкая спина мистера Уитмена полностью закрыла от нас сейф. Но вот дверца распахнулась, и перед нами предстал хронограф, завёрнутый в красный бархат. Мистер Уитмен вынул его из сейфа и поставил на стол.

Мистер Марли от восторга затаил дыхание.

– Мистер Марли сегодня впервые наблюдает хронограф в действии, – сказал мистер Уитмен и подмигнул мне. Кивком он указал на фонарик, который лежал на столе. – Возьми его на всякий случай с собой, вдруг там проблемы с электричеством. Чтобы не пришлось тебе сидеть в темноте и дрожать от страха.

– Спасибо, – я на секунду задумалась, не потребовать ли мне вдобавок аэрозоль против насекомых – такой старый подвал наверняка кишит пауками и, возможно, даже крысами! Как несправедливо всё-таки, что я должна отправиться туда совершенно одна. – Может, мне полагаётся ещё что-нибудь вроде дубинки?

– Дубинки? Гвендолин, ты всё равно никого не встретишь.

– Но там ведь могут водиться крысы...

– Крысы сами испугаются тебя гораздо сильнее, чем ты их, поверь мне, – мистер Уитмен развернул хронограф. – Впечатляет, не правда ли, мистер Марли?

– Да, очень впечатляет, сэр, – мистер Марли с благоговейным трепетом уставился на прибор.

– Вот пройдоха! – сказал Химериус. – С рыжеволосыми всегда надо держать ухо востро, скажи?

– Я представляла его более крупным, – сказала я. – Никогда бы не подумала, что машина времени так похожа на настенные часы.

Химериус тихонько присвистнул.

– Ничего себе камешки! Если они настоящие, тогда понятно, почему они запирают эту штуковину в сейф.

На хронографе действительно располагались двенадцать драгоценных камней невероятно больших размеров. Они сверкали как самые настоящие королевские сокровища, а вокруг них вились странные письмена и рисунки.

– Гвендолин выбрала для своего прыжка 1948-ой год, – сказал мистер Уитмен. Он отворил заслонку и начал заводить маленькие зубчатые колесики. – Что случилось в том году в Лондоне, мистер Марли, вы знаете?

– Летние Олимпийские Игры, сэр, – сказал мистер Марли.

– Вот заучка, – сказал Химериус, – рыжие всегда заучки.

– Очень хорошо, – мистер Уитмен выпрямился.

– Гвендолин прибудет в двенадцатое августа ровно в полдень и проведёт в 1948-ом ровно сто двадцать минут. Ты готова, Гвендолин?

Я вздохнула.

– Мне бы ещё очень хотелось узнать... Вы правда уверены, что я там ни на кого не наткнусь?

Кроме пауков и крыс.

– Мистер Джордж давал мне своё кольцо, чтобы никто не сделал мне ничего дурного...

– Твой прошлый прыжок состоялся в документариуме, который активно использовался во все времена. Но эта комната всегда была совершенно пуста. Если ты будешь вести себя, как подобает, если будешь сидеть тихо и не станешь выходить из подвала – а он, кстати, всё равно заперт, – то совершенно точно никто тебя не увидит. В послевоенные годы эта часть здания практически всегда пустовала. В те времена лондонцы гораздо больше были озабочены наземным строительством, – мистер Уитмен вздохнул. – Такое увлекательное было время...

– Но если всё-таки кто-то случайно зайдёт в подвал именно в это время, а там – я? Скажите мне хотя бы пароль того дня.

Мистер Уитмен поднял брови, было видно, что он начинает сердиться.

– Никто сюда не войдёт, Гвендолин. Повторяю ещё раз: ты окажешься в закрытом помещении, посидишь там сто двадцать минут и прыгнешь обратно. Никто из 1948-го года даже не догадается, что ты побывала у них в гостях. Если бы случилось что-нибудь непредвиденное, в Хрониках Хранителей была бы соответствующая запись. Кроме того, у нас сейчас нет времени, чтобы смотреть, какой там был пароль дня.

– Главное – участие, – робко сказал мистер Марли.

– Что-что?

– Пароль во время Олимпийских игр звучал так: «Главное – участие», – мистер Марли смущённо вперился глазами в пол. – Случайно запомнил. Просто остальные пароли обычно на латыни.

Химериус соорудил презрительную гримасу. У мистера Уитмена был такой вид, будто бы он тоже с удовольствием скривился.

– Вот как? Что ж, Гвендолин, теперь ты знаешь всё, что хотела. Пароль, конечно, не пригодится, но если тебе так будет спокойней... Ты идёшь?

Я подошла к хронографу и подала руку мистеру Уитмену. Химериус приземлился рядом со мной.

– А что теперь? – нетерпеливо спросил он.

Теперь пришло время неприятной процедуры. Мистер Уитмен открыл заслонку хронографа и вложил мой указательный палец в отверстие.

– Я буду держаться за тебя крепко-крепко, – сказал Химериус и обвил лапки вокруг моей шеи. Вообще-то, ощутить его прикосновение я не могла, но вдруг у меня возникло странное чувство, будто кто-то обмотал вокруг моего горла мокрый шарф.

Мистер Марли от нетерпения широко раскрыл глаза.

– Спасибо за пароль, – сказала я ему. Вдруг я зажмурилась, потому что в палец впилась острая игла, и комната наполнилась красным светом. Я крепко сжала фонарик. Цвета и люди замелькали перед глазами, сильный толчок пронзил моё тело.

Глава третья

Из отчёта инквизитора ордена доминиканцев Хуана Пьетро Бариби
Архив при университетской библиотеке, г. Падуа
(расшифровал, перевёл и отредактировал д-р М. Джордано)
От 23 июня 1542, Флоренция

Глава ордена сообщил о странном происшествии, которое стало делом чрезвычайной секретности и возбуждает недюжинное любопытство: в Елизавету, младшую дочь М⁵, которую десять лет назад заточили в монастырь, по слухам, вселился Суккубус⁶, а сие есть верный знак прелюбодеяний с Сатаной. В монастыре мне довелось воочию узреть, что девушка беременна и немного безумна. Госпожа аббатиса, которая располагает полнейшим моим доверием и является человеком глубоко разумным, не исключает и естественного объяснения сего явления.

Но отец девушки утверждает, что дочь его – ведьма. Он якобы собственными глазами видел, как Сатана в обличье красавца-юноши обнимал её в саду, а потом растаял в клубах дыма⁷, оставив лишь слабый запах серы. Две послушницы монастыря подтвердили, что видели Сатану несколько раз в обществе Елизаветы и что он преподнес ей в дар драгоценные камни.

Сия история не похожа на правду, принимая во внимание сильнейшую привязанность М. к М.Р.⁸ и некоторым братьям в Ватикане. Потому не разделяю опасений отца девушки, хотя следует безотлагательно покарать её за распутное поведение. С завтрашнего дня начну допрашивать свидетелей по этому делу.

– Химериус? – странное ощущение чего-то мокрого пропало.

Я скорее включила фонарик, но вокруг и без того было светло. С потолка свисала маленькая лампочка.

– Привет, – сказал чей-то голос.

Я оглянулась. Комната была заставлена ящиками, старыми шкафами и стульями. К подоконнику прислонился какой-то бледный юноша, он внимательно глядел на меня.

– Г-г-г... главное – участие, – запинаясь, промямлила я.

– Гвендолин Шеферд? – промямлил он в ответ.

Я кивнула.

– Откуда вы меня знаете?

Юноша вытянул из кармана смятый листок бумаги и передал его мне. Казалось, он волнуется не меньше, чем я. На нём были штаны на подтяжках и круглые маленькие очки. Светлые волосы уложены на косой пробор и тщательно зачёсаны назад, наверное, ему понадобилось очень много лака. С такой причёской этот парень вполне мог бы сниматься в фильме про гангстеров. Ему досталась бы роль умного, но, в сущности, безобидного помощника какого-нибудь опытного комиссара с неизменной сигаретой в зубах. Такой помощник обязательно должен

⁵ Предположительно речь идёт о Алессандро, графе ди Мадроне (1502—1572).

⁶ Здесь: отпрыск демонического происхождения.

⁷ Клубы дыма и запах серы обвинитель мог добавить для пушией убедительности своего рассказа.

⁸ Предположительно речь идёт о наследнике рода Медичи Рудольфо, который в 1559 г. стал широко известен тем, что инсценировал самоубийство. См. Павани «Легенды забытых Медичи», Флоренция, 1988, стр. 212.

влюбиться в даму сердца главного гангстера, расфуфыренную во всевозможные боа. А в конце фильма его, конечно же, застрелят.

Я немного успокоилась и окинула взглядом подвал.

Кроме нас двоих здесь никого не было, Химериуса тоже видно не было. Хотя он и умел проходить сквозь стены, путешествия во времени ему, очевидно, не давались.

Немного помедлив, я взяла записку. Бумага выцвела и пожелтела. Это был листок в клеточку из чьей-то записной книжки, вырвали его, наверное, впопыхах. Неровным, удивительно знакомым почерком там было написано вот что:

«Лорду Лукасу Монтроузу – это важно!!!!»

12 августа 1948 года в 12.00. Алхимическая лаборатория. Пожалуйста, никого с собой не бери.

Гвендолин Шеферд».

Моё сердце снова забилося как сумасшедшее. «Лорд Лукас Монтроуз» – так звали моего дедушку! Когда он умер, мне было десять лет. Я удивлённо рассматривала размашистую букву «Л». Никаких сомнений: такие каракули могла написать только я сама. Но как?

Я подняла глаза на юношу.

– Откуда у вас это? И кто вы такой?

– Это написала ты?

– Возможно, – сказала я. Мои мысли лихорадочно забегали. Если и так, то почему я этого не помню? – Откуда это у вас?

– Я храню эту записку уже пять лет. Кто-то засунул мне её вместе с письмом в карман пальто. В тот день, когда состоялась церемония по случаю моего посвящения в adeпты второго уровня. В письме было написано вот что: *«Тот, кто хранит тайну, должен знать и тайну, которая скрывается за ней. Аокажи, что ты можешь не только молчать, но и думать»*.

Подписи не было. Слова были написаны совсем Другим почерком, э-м-м... более элегантным и немного старомодным.

Я прикусила губу.

– Не понимаю.

– Я тоже. Все эти годы мне казалось, что текст записки – что-то вроде экзамена, – сказал юноша, – что это следующее испытание. Я никому ничего не рассказывал, всё ждал, что кто-нибудь сам со мной об этом заговорит или даст какие-нибудь дальнейшие указания. Но ничего такого не случилось. Сегодня я прокрался сюда и стал ждать. Всё было тихо, я уже хотел уходить. Но потом вдруг, из ниоткуда, прямо передо мной появилась ты. Ровно в двенадцать часов. Зачем ты мне писала? Почему мы встречаемся именно здесь, в этом заброшенном подвале? И из какого года ты прибыла?

– Из 2011-го, – сказала я. – Мне очень жаль, но на другие вопросы я ответить не могу.

Я откашлялась.

– А кто вы такой?

– О, прошу прощения. Меня зовут Лукас Монтроуз. Зови меня просто, без титула, никаких «лордов». Я адепт второго уровня.

Во рту у меня вдруг пересохло.

– Лукас Монтроуз, Бурдонплейс, дом номер восемьдесят один?

Юноша кивнул.

– Да, там живут мои родители.

– Тогда... – я не могла отвести от него глаз. Набрав в лёгкие побольше воздуха, я продолжила:

– Тогда вы – мой дедушка.

– Ох, неужели *снова*, – сказал юноша и глубоко вздохнул. Затем он развернулся, подошёл к стульям, которые были свалены в углу, вытащил один из них, смахнул с него пыль и поставил передо мной.

– Может, присядем? А то ноги совсем подкашиваются.

– У меня тоже, – призналась я и плюхнулась на стул.

Лукас вытащил ещё один стул и уселся напротив меня.

– Значит, ты моя внучка? – он слабо усмехнулся. – В голове не укладывается. Я-то ведь даже пока не женился. Более того, даже не обручился.

– А сколько тебе лет? О, прости, мне следовало посчитать самостоятельно. Так, родился ты в 1924-ом, значит, в 1948-ом тебе двадцать четыре года.

– Да, – сказал он. – Через три месяца мне исполнится двадцать четыре. А сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Как и Люси.

Люси. Я вспомнила о том, что она выкрикнула мне вдогонку, когда мы убегали от леди Тилни. Я всё ещё не могла поверить, что передо мной сидит мой дедушка. Я пыталась найти сходство между этим юношей и стариком, который усаживал меня к себе на колени и рассказывал удивительные истории, дедушкой, который всегда вставал на мою защиту, когда Шарлотта утверждала, что я просто выпендриваюсь, рассказывая, что вижу привидений. Но молодое лицо человека, сидящего передо мной, казалось, не имело ничего общего с дряхлым, испещрённым морщинами обликом старика, которого я знала. Хотя мне показалось, что юноша чем-то похож на мою маму. У него были голубые глаза, острый подбородок, и улыбался он прямо как мама.

На какой-то миг от наплыва эмоций я закрыла глаза. Это уж слишком.

– Ну что ж, пусть так, – сказал Лукас, – ну и как, нормальный из меня... э-э-э... дедушка?

Я изо всех сил старалась не расплакаться, поэтому только кивнула в ответ.

– Остальные путешественники во времени обычно прибывают с официальным визитом либо в Зал Дракона, где стоит хронограф, либо в документариум. Почему ты выбрала эту тёмную, душную лабораторию?

Я шмыгнула носом.

– Это – лаборатория? Не знала. В моём времени здесь обычный подвал, в котором стоит сейф, а в сейфе лежит хронограф.

– Неужели? Знаешь, в наше время от лаборатории тут тоже остались только воспоминания, – сказал Лукас, – но изначально это помещение использовали в качестве тайного алхимического кабинета. Это одна из самых старых комнат во всём здании. За несколько веков до того, как граф Сен-Жермен основал ложу хранителей, здесь собирались известные маги и алхимики со всего Лондона. Они ставили множество опытов, пытаясь получить философский камень. Кое-где на стенах ещё остались мрачные надписи и таинственные формулы. Говорят, стены здесь такие толстые, потому что в них замурованы кости и черепа... – он замолк. Теперь Лукас принялся покусывать нижнюю губу. – Значит, ты тоже моя внучка, скажи, пожалуйста, ты дочь кого именно из моих... э-э-э... детей?

– Мою маму зовут Грейс, – сказала я. – Она похожа на тебя.

Лукас кивнул.

– Люси рассказывала мне о Грейс. Она сказала, что твоя мама – самая милая из моих детей. Остальные, вроде как, гнусные личности, – он вздохнул. – Не могу себе представить, что мои дети станут гнусными личностями.. и вообще, что у меня будут дети...

– Возможно, проблема не в тебе, а в твоей жене, – пробормотала я.

Лукас снова вздохнул.

– Люси впервые появилась передо мной два месяца назад. С тех пор все меня подталкивают к женитьбе. У неё такие же точно рыжие волосы, как и у девушки, которая меня...

ну... интересуется. Но Люси так и не сказала мне, на ком я женюсь. Она считает, что тогда я, возможно, передумаю. И тогда вам всем не суждено будет родиться.

– Есть кое-что поважнее, чем цвет волос: ген путешественника во времени, который должна унаследовать твоя избранница, – сказала я. – Именно так ты её и узнаешь.

– В этом-то и загвоздка, – Лукас пододвинулся немного ближе ко мне, – потому что сразу две девушки из рода Нефрита кажутся мне... привлекательными. Номер четыре и номер восемь.

– Вот оно как, – сказала я.

– Понимаешь, я пока не могу разобраться. Но маленькая подсказка с твоей стороны, возможно, развеяла бы мои сомнения.

Я пожала плечами.

– Ну, мне не сложно. Мою бабушку зовут Ла...

– Нет! – крикнул Лукас и крепко прижал ладони к ушам.

– Я представлял себе этот выбор абсолютно по-другому, лучше не говори, – он смущённо почесал затылок. – Это форма школы Сент-Леннокс, да? Её герб у тебя на пуговицах.

– Ага, – сказала я и поглядела на свой тёмно-синий пиджак. Наверное, мадам Россини успела постирать и погладить мои вещи, потому что выглядели они совсем как новые, а от пиджака слабо пахло лавандой. Кроме того, она что-то такое с ним сделала, и теперь школьная форма сидела на мне гораздо лучше, чем раньше.

– Моя сестра Мадлен тоже учится в Сент-Ленноксе. Из-за войны она заканчивает школу только в этом году.

– Бабушка Мэдди? Вот уж не знала.

– Все девочки из рода Монтроузов учились только в Сент-Ленноксе. Люси тоже. У неё такая же точно форма, как у тебя. А у Мэдди – тёмно-зелёная с белым. А юбка в клетку, – Лукас кашлянул. – Э-м-м, ну это так, лирическое отступление... А сейчас нам следовало бы, наверное, сосредоточиться на цели нашей сегодняшней встречи. Итак, допустим, записку написала ты...

– Только не «написала», а «напишешь»!

– ...и передашь её мне в каком-то из следующих путешествий во времени... как думаешь, зачем тебе это понадобилось?

– Ты хотел сказать «понадобится»? – я вздохнула. – Кажется, ситуация немного проясняется. Наверное, ты сможешь мне кое-что рассказать. Но я ведь даже не знаю...

Я беспомощно взглянула на своего молодого дедушку.

– Ты хорошо знаешь Люси и Пола?

– Пол де Виллер с января прибывает к нам на элапсацию. За это время он повзрослел на два года. Немного он мрачноватый, этот Пол. А Люси впервые оказалась здесь в мае. Я обычно контролирую их посещения. Это всегда очень... весело. Я помогаю им делать домашнее задание. И должен признаться, Пол – первый из де Виллеров, кто мне понравился, – он снова кашлянул. – Если ты из 2011 года, ты должна была застать их обоих. Так непривычно, в твоём времени им уже почти сорок... Передавай им от меня привет.

– Нет, этого я сделать не могу, – ох, как же всё сложно.

Наверное, мне стоило бы быть поосторожней с тем, что говорю, пока я сама как следует не разобралась, что же, собственно, происходит. В ушах у меня всё ещё звучали мамины слова: «Не доверяй никому. Даже собственным чувствам». Но кому-то же мне нужно излить душу? А кому довериться в такой ситуации, как не собственному дедушке? Я решила рискнуть:

– У меня не получится передать привет Люси и Полу. Они украли хронограф и вместе с ним прыгнули в прошлое.

– Что? – глаза Лукаса расширились от удивления. – Зачем они это сделали? Не могу поверить. Они бы не... Когда это случилось?

– В 1994-ом, – сказала я, – в том же году родилась я.

– В 1994-ом Люси исполнится восемнадцать, а Полу – двадцать, – сказал Лукас, скорее себе, чем мне. – Значит, через два года. Потому что сейчас ей шестнадцать, а ему восемнадцать, – он виновато улыбнулся. – Я имею в виду не *сейчас* в нашем времени, а сейчас в том году, откуда они прибывают на элапсацию.

– Последние несколько ночей я практически не сплю. Поэтому сейчас у меня такое чувство, будто мой мозг превратился в рулон сахарной ваты, – сказала я, – да и с математикой у меня всегда были проблемы.

– Но ведь Люси и Пол... то, что ты рассказываешь, никак не может быть правдой. Они бы никогда не совершили такой *безрассудный* поступок.

– И всё-таки они это сделали. Я думала, ты сможешь объяснить мне, зачем им это понадобилось. В моём времени все пытаются убедить меня в том, что они... плохие. Или сумасшедшие. Или и то, и другое. Как бы там ни было, все твердят, что они очень опасные ребята. Когда мы виделись с Люси, она велела расспросить тебя о зелёном всаднике.

Лукас смотрел на меня с недоумением.

– Ты виделась с Люси? Только что ты сказала, что они пропали в год твоего рождения.

Он задумался.

– Но если они забрали хронограф с собой, как ты вообще можешь путешествовать во времени?

– Мы встретились в 1912 году у леди Тилни. А насчёт хронографа: существует ещё и второй экземпляр, именно им пользуются хранители в нашем времени.

– Леди Тилни? Она умерла четыре года назад. А второй хронограф не работает.

Я вздохнула.

– Теперь работает. Послушай, дедушка, – при этих словах Лукас вздрогнул, – мне всё это кажется ещё более запутанным, чем тебе, потому что всего пару дней назад я ни малейшего понятия не имела об этом безобразии. И я ничего не могу тебе объяснить. Абсолютно. Меня просто отправили сюда на элапсацию. Что за дурацкое слово, я даже не знаю, как оно пишется. Вчера я услышала его в первый раз. И вообще, это моё третье путешествие во времени, которое происходит под контролем хронографа. Перед тем, как меня привели в Ложу, я три раза прыгнула сама по себе, о чём, кстати, у меня остались не самые приятные воспоминания. Вообще-то все считали, что ген путешественника во времени унаследовала Шарлотта, потому что именно она родилась в правильный день. Но мама подделала дату моего рождения. Поэтому не я, а Шарлотта ходила на танцы, зубрила всё о чуме и короле Георге, именно она умеет фехтовать и играть на фортепиано, а ещё у неё были эти, как их там, уроки тайноведения. Но что они там проходили, я понятия не имею, – чем больше я говорила, тем быстрее одно за другим вылетали слова. – В общем, ничего я не знаю, кроме того минимума, который мне удалось услышать. Честно говоря, эти обрывки информации ничего не прояснили, даже наоборот, запутали. С тех пор, как всё это началось, у меня даже не было времени, чтобы перевести дух и обдумать, что же со мной происходит. Лесли всё искала в Гугле, но мистер Уитмен отобрал у нас папку с материалами, хотя я с ними всё равно не очень разобралась. Кажется, все ожидали от меня чего-то особенного и теперь очень разочаровались.

– *«Магией ворона он окрылён, победным аккордом замкнёт круг времён»*, – пробормотал Лукас.

– Вот, о чём я и говорю, магия ворона, тыры-пыры... Нет у меня никаких суперспособностей. Граф Сен-Жермен пытался меня задушить, хотя он стоял довольно далеко, а в голове у меня при этом раздавался его голос. Потом на нас напали какие-то трое мужчин в Гайд-Парке, у них были пистолеты и шпаги. Одного из них мне пришлось заколоть, потому что иначе он убил бы Гидеона... и этот Гидеон, он такой... – чтобы продолжать тираду, я набрала в лёгкие побольше воздуха: – Он такой противный. Обращается со мной, как с грязью. А сегодня утром

он поцеловал Шарлотту, да, просто в щёку, но ведь это тоже что-то значит. Что бы там ни говорили, мне нельзя было позволять ему целовать меня, а сначала следовало бы спросить об отношениях с Шарлоттой. И вообще, мы знакомы всего пару дней, но вдруг всё... всё завертелось так быстро... и все уверены, что это я рассказала Люси и Полу, когда именно мы окажемся у леди Тилни, ведь нам нужна её кровь, но Люси и Полу она нужна не меньше. А ещё им необходимо заполучить кровь Гидеона и мою, тогда их круг замкнётся. И никто не удосужился мне объяснить, что же случится, когда кровь всех путешественников во времени будет считана в хронографе. Иногда мне кажется, они и сами не в курсе. А я же должна спросить тебя о зелёном всаднике, так сказала Люси.

Лукас крепко зажмурился, пытаюсь, наверное, разобраться в моём неконтролируемом потоке слов.

– Даже не представляю, что это за зелёный всадник, – сказал он. – Мне жаль, но я никогда о нём раньше не слышал. Может, это название какого-то фильма? Почему ты не спросишь меня об этом в 2011-ом?

Я испуганно посмотрела ему в глаза.

– О, понимаю, – поспешно сказал Лукас. – Ты не можешь этого сделать в своём времени, потому что я, наверное, давно умер, а, может быть, ослеп, оглох и прозябаю в каком-нибудь доме для престарелых. Нет-нет, спасибо, об этом мне знать не обязательно.

На этот раз я не смогла сдержаться, и слёзы градом покатались из моих глаз.

Целых полминуты, а то и дольше, я горько-горько ревела, потому что, как ни странно это звучит, вдруг почувствовала, что до сих пор скучаю по бабушке.

– Я тебя очень сильно любила, – сказала я наконец.

Лукас протянул мне носовой платок и посмотрел на меня с сочувствием.

– Ты уверена? Что-то я не очень люблю детей, они иногда так действуют на нервы... Но ты, возможно, была особенным ребёнком, очень милым. Наверняка.

– Да, так и было. Но ты был добр ко всем детям без исключения, – я громко высморкалась. – Даже к Шарлотте.

Некоторое время мы молчали. Затем Лукас достал из кармана часы и сказал:

– Сколько у нас ещё времени?

– Они послали меня ровно на два часа.

– Не очень-то много. Но мы с тобой проговорили уже слишком долго, – он встал. – Я возьму ручку и бумагу, и мы попробуем немного упорядочить весь этот хаос. А ты лучше оставайся тут и никуда не ходи.

Я кивнула. Когда Лукас ушёл, я всё ещё смотрела вперёд, уткнувшись лицом в собственные ладони. Он был прав, именно сейчас важно сохранять спокойствие.

Кто бы мог поверить, что мне доведётся ещё хоть раз в жизни увидеться с бабушкой?

О чём мне следует ему рассказать, а о чём лучше умолчать? В панике я пыталась также сообразить, что же мне самой стоит спросить. Вообще-то, он был моим единственным союзником, вот только наше время не совпадало. Неужели из этого 1948-го он сможет приблизить меня к ответу хоть на один из этих мрачных вопросов?

Лукас всё не появлялся. Каждая минута, проведённая в ожидании, усиливала мои сомнения.

А вдруг он соврал, и сейчас сюда ворвутся Люси и Пол с большим ножом, чтобы взять мою кровь? Наконец, я встала и в панике принялась искать какой-нибудь предмет, который сгодился бы для самозащиты. В углу валялась доска с ржавым гвоздём посередине, но как только я её подняла, дерево раскрошилось под моими пальцами. В тот же миг дверь отворилась, и в подвал снова вошёл мой юный дедушка с блокнотом под мышкой и бананом в руке.

Я облегчённо вздохнула.

– Вот, держи, подкрепись, – Лукас бросил мне банан, взял ещё один стул, поставил его между двумя другими и положил на него блокнот.

– Прости, что я так долго. Мне на пути попался этот жуткий Кеннет де Виллер. Терпеть не могу де Виллеров, они так и норовят всюду сунуть свой любопытный нос, всё-то им хочется держать под контролем, всем управлять. Вдобавок, де Виллеры всегда уверены, что они абсолютно правы в любой ситуации!

– Точно сказано, – пробормотала я.

Лукас потёр запястье правой руки.

– Тогда давай приступим, внучка. Ты – Рубин, двенадцатая в Кругу. Алмаз из рода де Виллеров родился на два года раньше тебя. В твоём времени ему должно быть примерно девятнадцать. Как его зовут, ты говоришь?

– Гидеон, – сказала я, и на душе у меня сразу потеплело, просто от того, что я произнесла его имя.

– Гидеон де Виллер, – рука Лукаса заскользила по бумаге. – И он такой же неприятный тип, как и все де Виллеры, но ты его поцеловала, насколько я понял, так? Не слишком ли ты маленькая для таких вещей?

– Скорее наоборот, – ответила я. – В нашем классе все девчонки уже пьют таблетки.

Ну, то есть, почти все, за исключением Аишани, Пегги и Кейсси Кларк. Но Аишани из консервативной индийской семьи, родители убьют её, даже если она только посмотрит на какого-то мальчика. Пегги, кажется, больше увлекается девочками. А Кейсси пока что вся в прыщах, но, надеюсь, все угри когда-нибудь сойдут, и тогда она сразу же станет более дружелюбной и перестанет бурчать: «Чего вылупился?!», хотя пока что она именно так себя и ведёт, только лишь какой-нибудь мальчик осмелится глянуть в её сторону.

– О, Шарлотта тоже о сексе не помышляет. Поэтому Гордон Гельдерман называет её нашей Снежной Королевой. Но у меня теперь возникли большие сомнения, подходит ли ей такая кличка... – я заскрежетала зубами, потому что перед моими глазами снова всплыла отчётливая картинка: Шарлотта смотрит на Гидеона, и наоборот. Ведь если задуматься, как быстро Гидеону пришла мысль меня поцеловать, а именно – через два дня после нашего знакомства, даже представлять не хочется, что могло произойти между ним и Шарлоттой за четыре года тесного общения.

– Что за таблетки такие? – спросил Лукас.

– В смысле? – о Боже, у них в 1948-ом из всех противозачаточных средств только презервативы из коровьей кишки, и то, если повезёт.

Но мне об этом знать не обязательно.

– Что-то мне не хочется говорить с тобой о сексе, дедуля, правда, давай сменим тему.

Лукас покачал головой.

– А мне не хочется слышать из твоих уст это слово. *Я* не имею в виду слово *дедуля*.

– Ладно, – я принялась за банан, а Лукас что-то написал в свой блокнот. – Как же вы его называете тогда?

– Что называем?

– Секс?

– Мы об этом не разговариваем, – сказал Лукас и ещё ниже склонился над блокнотом. – По крайней мере, не с шестнадцатилетними девушками. Итак, продолжим: Люси и Пол украли хронограф прежде, чем в него внесли кровь двух последних путешественников во времени. Затем хранители решили использовать второй хронограф, но тогда предстоит собрать кровь остальных путешественников.

– Не всех. Гидеон разыскал почти каждого из них и взял кровь. Не хватает только леди Тилни и Опала, Элизы какой-то, забыла её фамилию.

– Элани Бёргли, – сказал Лукас. – Она была придворной дамой Елизаветы Первой и в восемнадцать лет умерла от лихорадки.

– Ага. Ну, и плюс кровь Люси и Пола, конечно. Поэтому мы охотимся за их кровью, а они – за нашей, если я всё правильно поняла.

– То есть, сейчас существуют два хронографа, с помощью которых можно завершить Круг Двенадцати? Невероятно!

– Что случится, когда Круг замкнётся?

– Тогда раскроется тайна! – торжественно сказал Лукас.

– Ну вот опять! Только не начинай, – я рассерженно махнула головой. – Может, скажешь что-нибудь более *конкретное*?

– В пророчестве говорится, что орёл взлетит, человечество преодолеет болезни и смерть, и начнётся новая эра.

– Угу, – сказала я таким же растерянным тоном. – Значит, всё будет хорошо, да?

– Даже очень хорошо. Эти события продвинут человечество далеко вперёд. Для того чтобы исполнилось пророчество, граф Сен-Жермен основал ложу хранителей. Среди членов ложи – самые влиятельные и умные люди из многих стран. Мы все хотим одного: сохранить тайну, чтобы в назначенный час она спасла этот мир.

Ура! Кажется, что-то проясняется. В его словах, по сравнению со всеми предыдущими объяснениями, было хоть немного конкретики.

– Но почему же Люси и Пол не хотят, чтобы Круг замкнулся?

Лукас вздохнул.

– Понятия не имею. Когда вы встречались, говоришь?

– В 1912 году, – сказала я, – в июне, двадцать второго числа. Или двадцать четвёртого. Что-то я не запомнила, – чем старательнее я вспоминала, тем больше сомневалась.

– Хотя, может, и двенадцатого. Число было чётное, это точно. Восемнадцатого? В любом случае, был вечер. Леди Тилни накрыла стол, потому что как раз пришло время пить чай, – затем до меня дошло, что я только что натворила. Я в отчаянии закрыла рот руками. – Ой!

– Что случилось?

– Я же тебе только что всё выложила, и *поэтому* Люси и Пол узнают, когда и где мы появимся. Так что предатель, вообще-то, *ты*, а не я. Хотя это, в сущности, всё равно.

– Что? О нет! – Лукас энергично затряс головой. – Я этого не сделаю. Я вообще ничего им о тебе не скажу – это было бы безрассудством с моей стороны! Представляешь, что будет, если завтра я сообщу им, что они скоро украдут хронограф и с его помощью убегут в прошлое. Да они умрут на месте, оба! Прежде чем сообщать человеку какие-нибудь факты из будущего, нужно как следует подумать, ты меня поняла?

– Ну, может, ты и не расскажешь им об этом завтра, но у тебя впереди ещё много лет, – я задумчиво жевала банан, – хотя... в какое время они решили убежать? Почему не в это? Здесь у них хотя бы один друг – ты. А вдруг ты просто меня обманываешь, и они тут за дверью, только и ждут, чтобы ворваться и взять мою кровь?

– Даже не представляю, в каком они времени, – Лукас вздохнул. – Не могу поверить, что они способны на такой безумный поступок. Да и зачем им это делать?

– В общем, мы с тобой пока что оба ничегошеньки не знаем, – бессильно попыталась я.

Лукас снова склонился над блокнотом. Он написал: «*зелёный всадник, второй хронограф*» и «*леди Тилни*», а напротив поставил огромный знак вопроса.

– Ясно одно: нам нужно обязательно встретиться ещё раз! Возможно, мне удастся что-нибудь разузнать.

Тут меня осенило.

– Вообще-то, я должна была отправиться на элапсацию в 1956-ой. Может, встретимся там? Завтра вечером?

Лукас рассмеялся:

– Может, для тебя 1956-ой – это завтра вечером, но для меня... Ну, хорошо, дай-ка подумать. Тебя снова пошлют на элапсацию в это же самое помещение, так?

Я кивнула.

– Но ты всё равно не сможешь караулить дни и ночи напролёт. К тому же, в любую секунду здесь может появиться Гидеон, ему ведь тоже надо элапсировать.

– Я знаю, что нам делать, – Лукас вдруг воспрял духом. – Ты ведь можешь просто прийти ко мне, когда окажешься тут снова! У меня свой кабинет на третьем этаже. Нужно будет проскользнуть всего лишь мимо двух стражников, но это не сложно – скажешь, что заблудилась. Ты – моя двоюродная сестра. Хейзл. Приехала навестить меня. Из деревни. Прямо сегодня начну всем о тебе рассказывать.

– Но мистер Уитмен говорит, что этот подвал всегда заперт. Да и вообще, я совершенно не представляю, в какой части здания мы находимся.

– Тебе, конечно, понадобится ключ. И пароль текущего дня, – Лукас огляделся вокруг. – Я сделаю для тебя дубликат ключа и спрячу где-нибудь здесь. Так же поступим и с паролем. Я напишу его на листочке и положу в наш тайник. Давай устроим его прямо в стене. Вон там в дальнем углу один кирпич немного расшатался, видишь? Может, у нас получится его вытащить?

Он встал и направился в дальний угол подвала, расчищая себе дорогу в старом хламе. Затем Лукас присел на корточки и постучал по стене.

– Вот, глянь-ка. Я вернусь сюда с какими-нибудь инструментами, и у нас получится отличный тайник. Когда окажешься здесь снова, просто вынимай этот кирпич, тогда у тебя будут и ключ, и пароль.

– Но их тут так много, этих кирпичей, – сказала я.

– Постарайся запомнить. Пятый ряд снизу, примерно посередине. Ай! Сломал ноготь. Ну ладно, как бы там ни было, у нас есть хоть какой-то план, и мне он нравится.

– Но тебе придётся каждый день спускаться сюда и вкладывать новый листок с паролем. Неужели у тебя получится? Ты разве не в Оксфорде учишься?

– Пароль обновляется вовсе не каждый день, – возразил Лукас. – Бывает, один и тот же держится неделю, а то и дольше. Кроме того, другой возможности устроить нашу встречу я не вижу. Запомни этот камень. Я положу в тайник план здания, чтобы ты нашла мой кабинет. Отсюда расходятся подземные коридоры по всему Лондону, – он посмотрел на часы. – А сейчас мы снова возьмём блокнот и ручку и попробуем упорядочить информацию. Вот увидишь, всё прояснится.

– Или не прояснится. Мрачный подвал, мало времени, двое беспомощных родственников.

Лукас склонил голову набок и улыбнулся.

– Кстати, может, скажешь – имя твоей бабушки начинается на букву «А»? Или на букву «К»?

Я улыбнулась в ответ.

– А как бы тебе хотелось?

Имя	Камень	Алхимический термин
Ланселот де Виллер 1560-1607	Янтарь	Накаливание
Элани Бёргли 1562-1580	Опал	Разложение
Уильям де Виллер 1636-1689	Агат	Сублимация
Сесилия Вудвилль 1628-1684	Аквамарин	Растворение
Граф Роберт Леопольд фон Сен-Жермен 1703-1784	Изумруд	Дистилляция
Жанна де Понткаре (Мадам д'Юрфэ) 1705-1775	Цитрин	Застывание
Джонатан и Тимоти де Виллеры 1875-1944 1875-1930	Карнеол	Экстракция
Маргарет Тилни 1877-1944	Нефрит	Усвоение
Пол де Виллер *1974	Чёрный турмалин	Размягчение
Люси Монтроуз *1976	Сапфир	Брожение
Гидеон де Виллер *1992	Алмаз	Увеличение
Гвендолин Шеферд *1994	Рубин	Проекция

Животное	Дерево	Имя
Лягушка	Бук	Ланселот де Виллер 1560-1607
Сова	Грецкий орех	Элани Бёргли 1562-1580
Медведь	Сосна	Уильям де Виллер 1636-1689
Лошадь	Клён	Сесилия Вудвилль 1628-1684
Орёл	Дуб	Граф Роберт Леопольд фон Сен-Жермен 1703-1784
Змея	Гинкго	Жанна де Понткаре (Мадам д'Юрфэ) 1705-1775
Сокол	Яблоня	Джонатан и Тимоти де Виллеры 1875-1944 1875-1930
Лисица	Липа	Маргарет Тилни 1877-1944
Волк	Рябина	Пол де Виллер *1974
Рысь	Ива	Люси Монтроуз *1976
Лев	Тис	Гидеон де Виллер *1992
Ворон	Берёза	Гвендолин Шефера *1994

Глава четвёртая

– Гвенни! Гвенни! Вставай! Тебе пора просыпаться!

Я едва очнулась от глубокого сна – в этом сне я была морщинистой старухой, сидела напротив испуганного Гидеона и уверяла его, что меня зовут Гвендолин Шеферд, и что я пришла из 2080-го года. Но тут передо мной появился знакомый курносый носик Кэролайн, моей младшей сестрёнки.

– Ну наконец-то! – сказала она. – Я уже устала тебя будить. Мне так хотелось вчера тебя дождаться, но я всё-таки уснула раньше. Ты снова прибыла в каком-то странном платье?

– На этот раз нет, – я села на кровати. – Мне разрешили переодеться прямо там.

– Скажи, Гвенни, теперь всегда так будет? Ты всегда будешь приходить домой, когда я уже сплю? Мама так изменилась с тех пор, как всё это закрутилось. А мы с Ником так по тебе скучаем – без тебя ужин – просто кошмар.

– Он и со мной был не ахти, – утешила я Кэролайн и снова зарылась головой в подушку.

Вчера вечером я опять приехала домой на лимузине, шофёр был какой-то незнакомый, но вместе с нами поехал рыжий мистер Марли, он проводил меня до самых дверей.

С Гидеоном мы вчера больше не встречались, и так мне, в общем-то, было легче.

Хватит и того, что я целую ночь видела его во сне.

Дверь нам открыл мистер Бернхард, швейцар моей бабушки, предельно вежливый и невозмутимый, как всегда. Мама тоже выскочила мне навстречу, она подбежала к нам и обняла меня так крепко, будто я вернулась из какой-нибудь полярной экспедиции. Я так обрадовалась, когда её увидела, но всё-таки мне было немного обидно. Было неприятно осознавать, что она врала мне всё это время. А зачем ей это понадобилось, мама так и не сказала.

Она лишь обронила несколько загадочных слов вроде «Не доверяй никому – опасно – тайна – трам-пам-пам», но они не очень-то прояснили ситуацию.

Именно из-за этой обиды, а ещё из-за того, что я буквально с ног валилась от усталости, меня хватило только на то, чтобы втихомолку проглотить маленький кусочек курицы и поскорей юркнуть в постель. Поэтому я так и не рассказала маме о том, что со мной приключилось. Да и чем она сможет помочь? Мама что-то слишком волнуется. Мне показалось, она устала почти так же сильно, как и я.

Кэролайн потрясла меня за руку:

– Эй, Гвенни! А ну не засыпай!

– Ладно-ладно, – резким движением я сдёрнула с ног одеяло и с удивлением ощутила, что выспалась, несмотря на то, что вчера вечером мы с Лесли ещё довольно долго болтали по телефону. Но куда запропастился Химериус?

Перед сном я зашла в ванную, и тогда Химериус исчез. С тех пор он больше не появлялся.

Стоя под душем, я наконец окончательно проснулась. Я помыла голову дорогим маминым шампунем и ополаскивателем, хотя это и было запрещено. Я боялась, конечно, что меня тут же разоблачат из-за аромата роз и грейпфрута, который теперь исходил от моих волос. Пока я сушила голову, думать не получалось ни о чём, кроме одного: нравятся ли Гидеону розы и грейпфруты. Но я быстро спохватилась. Кажется, я совсем с ума сошла: стоило мне поспать пару часиков, как я опять только и думаю об этом снобе. Ну что, что такого между нами произошло? Ну, поцеловались мы немножко в церковной исповедальне, но ведь сразу же после этого Гидеон снова превратился в противного задаваку. Как-то мне не очень хотелось вспоминать о вчерашних разочарованиях, пусть даже на свежую голову. Я, кстати, всё подробно описала Лесли, а она никак не хотела менять тему и задавала всё новые и новые вопросы.

Я выключила фен, оделась и побежала, перескакивая через ступеньки, вниз в столовую. Кэролайн, Ник, мама и я занимали четвёртый этаж. Здесь было хоть немного уютнее, в отли-

чие от остального пространства этого огромного дома, испокон веков принадлежавшего нашей семье.

Всё остальное пространство было доверху забито антиквариатом и портретами моих прадедов и прабабок, немногие из которых могли похвастаться приятной внешностью. А ещё у нас в доме был бальный зал, в котором я когда-то учила Ника кататься на велосипеде. Тайно, конечно, но ведь движение в большом городе – это просто кошмар, об этом знает любой ребёнок.

Как бы я хотела, чтобы мы могли завтракать и ужинать на своём уютном четвёртом этаже, но леди Ариста, моя бабушка, настаивала на том, что все должны собираться в этой мрачной и тёмной столовой. Стены в комнате были обиты тёмным деревом, поэтому казалось, что они покрыты слоем шоколада. Это единственное нормальное сравнение, которое приходило в голову, все остальные... э-э-э... немного портили аппетит.

Хотя атмосфера в столовой была сегодня поприветливее, чем вчера. Я почувствовала это, как только вошла.

Леди Ариста всегда чем-то напоминала мне строгую учительницу танцев, которая, если что, может больно ударить по пальцам. Но сегодня она поприветствовала меня вполне дружелюбно:

– Доброе утро, дитя моё.

Шарлотта и её мама улыбались мне так, словно знали что-то, о чём я не имела ни малейшего представления.

Тётя Гленда никогда раньше мне не улыбалась (она вообще мало кому улыбалась, если не считать её коронных презрительных усмешек), а Шарлотта ещё вчера бросила мне пару едких замечаний. Поэтому я начала подозревать недоброе.

– Что-то случилось? – спросила я.

Мой двенадцатилетний брат Ник расплылся в широченной улыбке, когда я села на своё место рядом с Кэролайн. Мама пододвинула мне огромную тарелку с бутербродами и яичницей. Когда аппетитный запах еды защекотал мне нос, я чуть сознание не потеряла от голода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.